

ДВОРЕЦ КЛЯТВ

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланова

Дворец клятв

«Автор»

2026

Светланова М.

Дворец клятв / М. Светланова — «Автор», 2026

Лиора Вей проводит людей по рекам, которые существуют только во сне. Когда новая дворцовая клятва лишает целый квартал права просыпаться по собственной воле, её живая карта открывает путь, которого не должно быть. Теперь старший страж Ренар Таль обязан стереть клятву самой Лиоры — единственную нить к истоку королевских законов. До новолуния тридцать дней. Чтобы остановить регента, превращающего послушание в закон, лоцману и стражу придётся доверять друг другу то, чем они привыкли распоряжаться в одиночку: ей — дорогу домой, ему — право судить собственную присягу.

© Светланова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Река без берега	6
Глава 2. Строка на запястье	8
Глава 3. Дом, который помнит двоих	14
Глава 4. Архивный прилив	19
Глава 5. Условия проводника	25
Глава 6. Спящие ворота	30
Глава 7. Цена правильной процедуры	36
Глава 8. Компромисс Майры	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мара Светланова

Дворец клятв

От автора

Эта история — о цене обещаний, которые дают за нас, и о доверии, которое нельзя потребовать приказом. В мире Лиоры законы текут по человеческим снам, поэтому граница между заботой и контролем становится почти осязаемой.

Перед вами приключенческий роман с завершённым внешним конфликтом и медленно развивающейся любовной линией. Главные отношения здесь меняются не от красивых признаний, а от поступков, права сказать «нет» и готовности разделить последствия выбора.

Глава 1. Река без берега

На сновидческой реке берег исчез не сразу.

Сначала Лиора заметила, что фонари Нижней пристани отражаются не там, где стоят. Янтарные огни тянулись по чёрной воде впереди лодки, хотя настоящий причал остался за кормой. Потом из тумана пропал запах водорослей, а весло вошло в воду без плеска, словно в распоротый шёлк.

Только после этого исчез берег.

— Не оборачивайся, — сказала Лиора.

Энна уже обернулась. За её плечом не было ни складов, ни лесенок, ни высоких домов. Там стояла такая же вода — гладкая, чёрная, без единого огня. Лодка оказалась в середине бескрайнего круга под низким серым небом чужого сна.

— Пациенты ждут лекарства до рассвета, — сказала Энна, крепче сжимая кожаный чемодан. — Скажи, что это просто туман.

— Если я скажу, он не станет туманом.

Лиора положила весло поперёк бортов и коснулась карты под рубашкой. Серебряные нити обнимали рёбра, тёплые и живые. У каждого лоцмана карта росла по-своему. Лиорина пряталась близко к сердцу и отзывалась, когда поблизости кто-нибудь по-настоящему хотел домой.

Сейчас она молчала.

В лодке лежали двадцать четыре склянки пробуждающей соли. На Нижней пристани люди вторые сутки засыпали посреди разговора и не могли вернуться. Дворец назвал случившееся сезонной лихорадкой и распорядился не покидать дома после заката.

Но лихорадка не крала берега.

— Какой сегодня закон? — спросила Лиора.

— Вчера на столбах повесили: «До особого распоряжения жители Нижней пристани обязуются соблюдать покой в часы тьмы». Я ещё подумала: ловко назвали комендантский час заботой.

На последнем слове вода вздрогнула. От лодки побежали круги, и в каждом возникло спящее лицо: старик с мокрыми усами, девочка с деревянной птицей, женщина с разбитой губой.

— Не произноси формулу целиком, — сказала Лиора. — Река слушает.

— Переприсяга через месяц. Откуда у закона такая сила?

— Значит, дворец его испытывает.

Лиора расстегнула ворот. На коже зажглись пути: дом, мастерская Саи, гильдия, рынок под медной крышей. Карта хранила не улицы, а ощущение верного пути — знание, что за следующей дверью тебя назовут по имени.

Она выбрала рынок. В детстве Лиора бегала туда за лепёшками, пока мать торговалась за рыбу, а маленькая Сая спала у неё за спиной. Если отдать путь реке, она всё ещё будет помнить рынок, но никогда больше его не найдёт.

— Нет, — сказала Энна. — Найдём другой проход.

— Здесь любое кружение укрепляет ловушку.

— Тогда я заплачу.

— У тебя нет карты. Река не будет знать меры.

Энна выругалась, закрепила чемодан и села ровно.

— Что делать?

— Назови место, куда хочешь попасть. Не дом, а людей.

Энна перечислила спящих: двенадцать над красильней, булочница, перевозчик Том, девочка Ида возле матери. Лица на воде повернулись к её голосу.

Лиора закрыла глаза. Вот красные навесы рынка. Продавец орехов суёт Сае лишнюю горсть. Мать, живая и сердитая, машет от рыбного ряда.

Домой, подумала Лиора — и разорвала нить.

Боль была короткой. Рыночные огни вытянулись на воде в одну линию. Весло снова обрело тяжесть, и Лиора погребла на свет.

Туман шептал дворцовую формулу: соблюдать покой, оставаться в домах, не тревожить улицы страхом, голодом, несогласием. Прямого запрета просыпаться не было. Он прятался между словами: если ночь объявлена покоем, а пристань — тревогой, закон отнимал сам путь обратно.

Слева из воды поднялась девочка с деревянной птицей.

— Прямо, — напомнила Энна. — Ты сама сказала.

— Заберём её. Подай ремень.

Энна привязалась к скамье и перегнулась через борт. Река удерживала ребёнка, лодка накренилась, склянки звякнули.

— Имя!

— Мина!

— Мина, ты никому не обещала спать. Это не твоё обещание.

Птица раскололась. Девочка вылетела из воды и закашлялась. Вместе с кашлем вернулся настоящий дождь Нижней пристани — косой, пахнущий углём и рыбой.

Берег возник в десяти шагах. Лиора оттолкнулась веслом от каменной опоры, лопасть треснула, нос лодки заскрежетал о ступени и остановился.

До рассвета они разнесли соль по двум домам. Спящих будили по одному: щепоть под язык, имя на ухо, вопрос, на который нельзя ответить за другого. «Ты хочешь открыть глаза?» — спрашивала Энна. Лиора искала для каждого крошечный обратный проток.

Двадцать один человек проснулся. Трое остались в глубине общего сна.

Мина, открыв глаза, потребовала свою птицу. Лиора пообещала вырезать новую. Маленькое обещание легло на воздух легко и не потянуло воду.

— Тебя ищут, — сказала Энна на причале.

У столба стояли двое в форме архивной стражи. Старший смотрел на реку как на текст с опасной ошибкой. Лиора узнала Ренара Таля: однажды он закрыл Восточный рукав по правилу, написанному для канализации, но, когда плотина лопнула, прыгнул в воду первым.

Ренар подошёл один и разломил печать на узком футляре.

— По приказу хранителя архива ваша живая карта подлежит изъятию. Клятва, внесённая на имя Лиоры Вей двадцать два года назад, должна быть стёрта до Переприсяги.

Под рубашкой шевельнулись уцелевшие линии. Среди привычных дорог возникла новая — тонкая, ослепительно белая. Она уходила через Ренара и закрытые двери архива туда, где не могло быть ни причала, ни дома.

К Первому руслу.

— А если я не отдам карту?

Ренар не потянулся к оружию. Это встревожило сильнее.

— Тогда следующей ночью река придёт за вами сама.

Глава 2. Строка на запястье

До архивной управы Лиора дошла сама.

Это было первым условием.

Ренар предложил казённый экипаж, потом лодку стражи, потом хотя бы сопровождение по мосту. Каждый раз она отвечала одинаково:

— Вы можете идти рядом. Вести меня не будете.

Он принял отказ без спора. Второй страж остался на Нижней пристани составлять перечень проснувшихся, а Ренар зашагал справа от Лиоры, держа футляр с приказом под мышкой. Энна шла слева и демонстративно пересчитывала пустые склянки в чемодане.

Город ещё не решил, наступило ли утро. Над крышами серел свет, но фонари продолжали гореть, а на столбах блестели свежие листы пробного закона. Возле каждого стоял дворцовый писец и замазывал слово «обязуются» более жирными чернилами. Прохожие старались не смотреть на листы. Некоторые останавливались посреди шага, будто забыв, куда направлялись, и лишь оклик торговца или звон открываемой ставни возвращал им движение.

Лиора держала ладонь на вороте рубашки. После утраченного рынка карта казалась меньше. Там, где прежде жила тёплая дорога под медной крышей, теперь лежала немота. Не пустота — пустоту можно обойти, — а невозможность даже выбрать верное направление.

— Процедура стирания обязательна сегодня? — спросила она.

— Приказ требует начать до полудня, — ответил Ренар. — Завершить — при первом безопасном окне.

— Кто определяет безопасность?

— Архивный мастер.

— То есть архив.

— Да.

— А моё согласие в процедуре где-нибудь предусмотрено?

Он помедлил ровно на один шаг.

— Для клятв, данных несовершеннолетними, требуется согласие попечителя или решение хранителя.

— Мне тридцать один.

— На момент внесения вам было девять.

— Значит, вы двадцать два года хранили клятву ребёнка, а теперь взрослую хозяйку не спрашиваете.

Ренар не стал прятаться за формулировкой.

— Именно так устроено действующее правило.

— Удобное правило.

— Нет. Просто действующее.

Лиора остановилась. Он тоже остановился, не сокращая расстояния.

— Если для вас это разные вещи, — сказала она, — у нас есть шанс пережить утро.

Энна захлопнула чемодан.

— А если нет, я объясню разницу медицинским молотком.

У дверей управы Ренар попытался оставить её в приёмной. Лиора потребовала комнату с двумя выходами, присутствие Энны и право видеть каждый инструмент до прикосновения. Дежурный писец поднял брови: люди, чьи клятвы изымали по приказу, обычно старались стать незаметнее. Ренар выслушал требования и записал их на обороте собственного предписания.

— Два выхода есть в комнате сверки, — сказал он. — Лекарь может присутствовать. Инструменты покажу. Что ещё?

— Никаких ремней.

- Если начнётся судорога...
- Тогда Энна решит, как меня удерживать. Не ваши люди.
- Принято.
- И вы прекращаете, когда я говорю «стой».
- Процедуру по приказу нельзя прекратить без основания.
- Тогда основание такое: иначе вы её не начнёте.

За его плечом дежурный писец кашлянул. Ренар посмотрел на запечатанный футляр, затем на чёрную воду канала за окном. В ней ещё дрожали лица Нижней пристани.

— Я остановлю действие инструмента, — сказал он. — Но после этого буду обязан задерживать вас до решения хранителя.

- Это угроза?
- Последствие. Я не хочу выдавать одно за другое.
- Лиора протянула руку.
- Запишите.

Он дописал условие и поставил служебную метку. Не подпись — маленький знак закрытого глаза над ключом. Чернила на мгновение засветились.

Комната сверки помещалась в башне над каналом. Две двери действительно были: одна в коридор, вторая на железную галерею. На стенах не висело ни одной клятвы. Их прятали в узких ящиках, обитых изнутри солью и свинцом. Посреди комнаты стоял каменный стол с желобом, уходящим в пол.

Ренар разложил инструменты по одному. Серебряный крючок для отделения имени. Стеклянная игла для поиска исходной строки. Чёрная нить, которой связывали обрезанные концы обязательства, чтобы оно не перешло на родственника. Последней появилась плоская раковина размером с ладонь.

- Гаситель, — сказал он. — В нём клятва теряет силу и остаётся записью.
- Без последствий для того, кто её дал?
- Без магических последствий.
- Хорошая оговорка.

— Не оговорка. После стирания человек может потерять привычку, на которой держалась его жизнь. Иногда — отношения. Иногда — представление о себе. Архив не умеет отделять навязанное обязательство от всего, что выросло вокруг него.

Энна поставила чемодан возле головы стола.

- И вы называете это безопасным окном?
- Я называю это менее опасным, чем самопроизвольный разрыв.

Лиора вспомнила, как девятилетняя, босая, держала Саю на руках у затопленной двери. Мать не возвращалась, вода поднималась, а младшая сестра плакала без звука. «Я всегда выведу тебя домой, — шептала Лиора. — Даже если моего дома не останется».

Тогда слова были мостом через страх. Потом стали ремеслом, законом её собственной жизни, привычкой отвечать за двоих раньше, чем Сая успевала попросить.

— Кто внёс клятву в архив? — спросила Лиора.

Ренар опустил взгляд на приказ.

- Запись закрыта родственным допуском.
- Значит, вы знаете, а я не имею права знать собственную историю.
- Я не открывал запись.

Это прозвучало не как уход. Он и правда мог не знать: стражу выдавали действие, номер ящика и меру допустимой силы. Причины хранились выше, за дверями, к которым ключ подходил лишь раз в месяц.

Лиора сняла куртку и закатала левый рукав.

— Показывайте, где лежит строка.

Ренар попросил её положить ладонь на стол. Сам встал сбоку, чтобы не заслонять выход. Энна осталась у изголовья, двумя пальцами нащупав пульс Лиоры.

Стеклянная игла не прокалывала кожу. Она двигалась над запястьем, и вслед за ней проступали слова — тонкие, как след улитки на камне. «Всегда вывести». Потом: «Саю». Потом строка завернулась вокруг руки и скрылась под ладонью.

— Клятва вплетена в карту, — сказал Ренар.

— Вы удивлены?

— Карты обычно принимают маршруты, а не обещания.

— Моя появилась в ту же ночь.

Он поднял глаза.

— Вы никогда не сообщали гильдии?

— Гильдия любит выдавать лицензии понятным чудесам.

Ренар поднёс крючок к первому слову. Серебро зазвенело, хотя никто к нему не прикасался.

— Я отделию имя от действия. На счёт три почувствуете холод. Если боль станет острой, скажите.

— А если мне просто станет страшно?

— Тоже скажите.

Лиора посмотрела на него внимательнее. Ренар держал инструмент уверенно, но большой палец прижимал к указательному так сильно, что ноготь побелел. Он боялся не её. Ошибки.

— Один, — произнёс он. — Два.

На «три» крючок коснулся слова «Саю».

Холод ударил не в руку, а в память.

Лиора увидела сестру во всех возрастах сразу: младенца с тёмным пушком на макушке, девочку, которая прятала хлеб в рукава, подростка над первым переплётом, взрослую женщину, захлопывающую перед Лиорой дверь мастерской. Все лица повернулись к ней и сказали одним голосом:

— Я не просила.

Карта под рубашкой рванулась к запястью. Серебряная строка обвила крючок, взбежала по перчатке Ренара и впиалась ему в кожу.

Он отдернул руку, но нить не разорвалась.

— Стой, — сказала Лиора.

Ренар разжал пальцы. Крючок упал на стол. Гаситель раскрылся с сухим щелчком, и из раковины хлынула вода.

Комната исчезла.

Лиора стояла по колено в тёмной реке между архивными шкафами. Они уходили вверх, теряясь в глубине, будто башня опрокинулась под воду. В каждом ящике мерцала строка. Тысячи обещаний шевелились, как запертые рыбы.

Ренар был рядом. Серебряная нить связывала их запястья, и Лиора чувствовала его пульс — быстрый, неровный. Энны не было видно. Железная галерея и двери исчезли. Над головой колыбался потолок воды, за которым угадывалось бледное утро.

— Не двигайтесь, — сказал Ренар.

— На реке это обычно худший совет.

Вода прибывала. Сначала она коснулась коленей, через вдох поднялась до бёдер. Ящики один за другим открывались. Голоса повторяли чужие обязательства: хранить верность тому, кто бьёт; платить долг, которого не брали; молчать ради семейного имени; служить до смерти; прощать раньше, чем попросили прощения.

Лиора потянулась к карте. Та показала белую линию сквозь дальние стеллажи.

— Вы привели нас в архив? — спросила она.

— Нет. Комната защищена от переходов.

— Значит, архив пришёл к нам.

Ренар поднял связанную руку. Строка уходила от его запястья к ящику, на котором горел номер приказа.

— Гаситель узнал не вашу клятву, — сказал он. — Он узнал команду на стирание.

— И что в ней неправильного?

— Она написана как клятва.

Из глубины донёсся удар. Потом второй. Стеллажи качнулись, и над водой всплыл огромный лист с дворцовой печатью. Буквы на нём менялись быстрее, чем Лиора успевала читать. «Стереть строку». «Открыть путь». «Передать русло». «Не допустить отказа».

— Ваш приказ заставляет вас довести действие до конца, — сказала Лиора.

— Служебные предписания обязательны для стража.

— Это не ответ.

Вода достигла груди. Нить между ними натянулась, поворачивая кисть Ренара к упавшему крючку, который плыл рядом остриём вперёд.

— Да, — сказал он. — Приказ принуждает меня.

Лиора ухватила его за предплечье.

— Тогда не исполняйте его.

— Если разорву служебную связь здесь, архив сбросит цену на ближайшую действующую клятву. На вашу.

— Если исполните, получите путь к Первому руслу.

Он замер.

— Этого нет в приказе.

— Теперь есть.

Лист ударился о стеллаж, и строки с него рассыпались по воде. Одна обвила горло Ренара. Другая поползла к груди Лиоры, туда, где карта хранила дома.

Она могла разорвать ещё один маршрут и вывести их обоих. Карта уже предлагала мастерскую Саи: запах клея, горячая нить, чашка с треснутым краем. Цена была ясной и потому соблазнительной. Лиора знала, как платить собой. Гораздо хуже она умела требовать чужого решения.

— Ваш выбор, Ренар, — сказала она. — Не приказа. Не архива. Ваш.

— Вы не понимаете устройство связи.

— А вы не понимаете реку. Она ждёт, что один из нас снова пожертвует дорогой. Я не стану. И вам не позволю назвать принуждение долгом.

Нить дёрнула его руку. Крючок оказался в пальцах Ренара.

Он поднял его над запястьем Лиоры.

На миг ей показалось, что всё кончено: серебро войдёт в строку, имя Саи отделится от глагола, а белый путь распахнётся дворцу. Но Ренар развернул крючок и зацепил знак закрытого глаза на собственной перчатке.

— Я останавливаю действие инструмента, — произнёс он. — На основании условия, внесённого до начала процедуры.

Служебная метка лопнула.

Боль согнула его, но крючка он не выпустил. Вода вокруг вскипела чернилами. Лиора увидела между стеллажами узкий поток — не дорогу домой, а путь наружу, созданный их двумя отказами.

— За мной, — сказала она.

— Вы не знаете, куда он ведёт.

— Зато знаю, откуда.

Они пошли против течения. Нить на запястьях укорачивалась, заставляя двигаться плечом к плечу. Ренар споткнулся, когда из ящика вылетела строка старой присяги, но Лиора не тащила его: остановилась, дала подняться и только тогда продолжила. Он дважды предупреждал о стеллажах, которые собирались сомкнуться, и во второй раз она послушалась без спора.

У выхода вода поднялась выше их голов.

Лиора задержала дыхание и шагнула сквозь дрожащую стену.

Она очнулась на каменном полу. Энна стояла над ней на коленях, одной рукой удерживая её плечо, другой — Ренара. Из раскрытой раковины вытекла всего одна ложка воды, но желоб вокруг стола был полон чёрных чернил.

— Семь ударов сердца, — сказала Энна. — Вы оба не дышали семь ударов. Что случилось?

Ренар сел. На его запястье осталась серебряная строка — короткая, оборванная после двух слов: «не допустить».

У Лиоры вокруг ладони светилась вторая половина: «отказа».

Они посмотрели друг на друга.

— Снимите это, — сказала Лиора.

— Не могу. Пока исходный приказ действует, разделённая формула будет возвращаться.

— Тогда уничтожьте приказ.

— Он зарегистрирован в главном архиве. Этот экземпляр — только исполнительная копия.

Энна провела ногтем рядом со строкой, не касаясь её.

— Она связывает их мысли?

— Нет, — ответил Ренар. — Только последствия приказа. Если один попытается завершить стирание, второй окажется внутри действия.

— Очень утешительно.

Лиора поднялась. Колени дрожали, но это было её дрожание, и она не позволила Ренару подать руку.

— Вы обещали задержать меня после остановки.

— Обязан.

— И?

Он снял перчатку с лопнувшей меткой и положил на стол.

— И сначала обязан сообщить о повреждении предписания. До ответа хранителя вы остаетесь в комнате сверки.

— Нет.

— Лиора, — тихо сказала Энна.

— В Нижней пристани трое не проснулись. Каждую ночь закон будет затягивать новых людей. Я не проведу тридцать дней в каменной комнате, пока архив выбирает удобный глагол.

Ренар взглянул на её запястье. Серебряные слова потускнели, но не исчезли.

— Через тридцать дней Переприсяга, — сказал он. — В этот момент все действующие формулы повторяются и получают новую силу. Если разделённый приказ останется на нас, архив попытается завершить его через обоих.

— Значит, у нас не тридцать дней до повторной процедуры. У нас тридцать дней, чтобы найти источник и понять, зачем кому-то Первое русло.

— Вы говорите так, будто я согласился расследовать собственный приказ.

— Нет. Я говорю, что без меня вы не пройдёте по увиденной реке, а без вас я не войду в главный архив. Это ещё не согласие. Это положение вещей.

Он долго смотрел на чёрные чернила в желобе. Потом поднял исполнительную копию. На обороте по-прежнему светились условия Лиоры и его служебная метка, хотя знак на перчатке был разрушен.

— Я могу оформить отсрочку по причине неизвестной взаимной связи, — сказал Ренар.
— На один лунный срок. Вы будете обязаны являться на сверку каждые три дня и не покидать город.

— Я никому не отдам карту.

— Без вашего прямого согласия к карте не прикасаются ни инструментом, ни рукой.

— Все переходы прекращаются по моему слову.

— Если это не создаёт непосредственной угрозы третьим лицам.

— Кто определяет угрозу?

— Мы оба. При разногласии — выходим обычным путём и спорим на суше.

Энна фыркнула:

— Наконец разумное дворцовое правило.

— И ещё, — сказала Лиора. — Вы не отдаёте сведения о моей карте без моего ведома.

— Я обязан вести отчёты.

— Тогда показываете мне каждую строку до отправки.

Ренар вынул чистый лист. Не архивный бланк — обычную бумагу из стола.

— Это будет договор о порядке совместной проверки, не клятва. Без магической силы.

Любая сторона может прекратить его письменно.

— И тогда?

— Тогда вернёмся к приказу, задержанию и очень плохим решениям.

— Честно.

Они записали условия дважды. Лиора вычеркнула «обеспечить безопасность» и заменила на «сообщать об известном риске»: безопасность нельзя было обещать там, где даже архив тонул в собственных строках. Ренар вычеркнул «полный доступ» и вписал номера залов, куда мог провести её своим ключом. Энна добавила право осматривать обоих после каждого перехода и отказалась подписываться свидетелем, пока ей не выдали отдельную копию.

Когда всё было готово, Лиора поставила имя без капли чернил — кончиком иглы, оставив на бумаге вдавленный след.

— Почему так? — спросил Ренар.

— Сегодня я не доверяю словам, которые видны слишком хорошо.

Он подписал обычными чернилами.

Строка на их запястьях не исчезла, но ослабла. Между словами проступил просвет шириной в палец.

Ренар открыл дверь на железную галерею. Внизу канал нёс к реке серую утреннюю воду. На другом берегу дворцовые писцы уже срывали пробный закон со столбов, однако люди возле домов не просыпались.

— Через три дня сверка, — сказал он.

— Сегодня вечером Нижняя пристань.

— У меня нет разрешения.

Лиора надела куртку.

— У меня есть лодка.

Он посмотрел на разорванную служебную метку, затем спрятал договор во внутренний карман.

— Вечером, — сказал Ренар. — Но сначала я найду регистрационную запись приказа.

Под кожей Лиоры дрогнула белая дорога. Теперь она вела не просто через него. Она уходила вглубь дворца, к затопленным шкафам, где среди тысяч чужих обещаний кто-то заранее написал, что их отказа не должно существовать.

До Переприсяги оставалось тридцать дней.

Глава 3. Дом, который помнит двоих

Мастерская Саи узнала Лиору раньше, чем сестра открыла дверь.

Под половицами отозвались три тихих удара, ставни сами приподнялись на ширину пальца, а медный ключ в замке повернулся навстречу её руке. Когда-то Лиора считала это доказательством, что дом принимает их обеих. Теперь ей послышался вопрос: кого из них он впускает по собственной воле, а кого — по старому обещанию?

— Ты рано, — сказала Сая вместо приветствия.

На её щеке темнело пятно переплётного клея. За спиной громоздились прессы, катушки нитей и стопки листов, исписанных разными почерками. Здесь пахло бумагой, нагретой медью и тем самым горьким настоем, который Сая заваривала, когда забывала поесть.

Лиора заметила две пустые чашки.

— Кто у тебя?

— Доброе утро, Лиора.

— Сая.

— Это мастерская, а не допросная.

Серебряные слова под рукавом Лиоры похолодели. Ренар стоял на ступень ниже, не пытаясь заглянуть внутрь. Энна, пришедшая проверить обеих сестёр после комнаты сверки, выразительно посмотрела на Лиору.

— Мы можем войти? — спросила Лиора.

Сая перевела взгляд на тёмную форму Ренара.

— Ты — да. Энна — да. Страж — после того, как назовёт цель и согласится не читать ничего без разрешения владельцев.

— Ренар Таль, старший страж. Ищу происхождение приказа, связанного с клятвой Лиоры. Без разрешения читать не буду.

— Даже если увидите нарушение архивного порядка?

— Если оно не угрожает человеку прямо сейчас.

Сая отступила.

— Тогда входите. Дом услышал.

Ренар задержался на пороге. По косяку пробежала тонкая янтарная линия, замкнулась вокруг его сапога и погасла.

— Это клятва допуска? — спросил он.

— Договор гостя. Он не удержит вас силой. Только сообщит всем подписавшим, если вы нарушите условие.

— Всем?

— Мне, владельцу прочитанного текста и вам. Нельзя спрятать проступок даже от себя.

В дальней комнате сидели булочница с Верхней улицы и седой лодочник. Между ними лежал раскрытый переплёт. На левой странице было написано: «Я привожу муку по вторникам до полудня». На правой: «Я оставляю место у печи и плачу после приёмки». Ниже стояло третье условие: «Любой может отказаться за сутки без наказания».

Нить в корешке светилась ровно, как спокойная вода.

— Мы закончили, — сказала Сая посетителям. — Заберите по копии. Оригинал останется у меня только до следующего вторника.

Когда дверь закрылась, Лиора коснулась переплёта.

— Ты хранишь чужие обещания дома?

— Я храню договоры в мастерской.

— Здесь ты живёшь.

— Здесь живу я. Не мы.

Слова легли между ними тяжелее архивного приказа.

Лиора заставила себя убрать руку с книги.

— После закона люди на пристани не просыпаются. Если дворец ищет мою клятву, он может прийти сюда.

— Поэтому ты привела его сама?

Сая указала подбородком на Ренара.

— Он связан с приказом так же, как я.

— Нет. Ты связана против воли. Он служит месту, которое этот приказ изготовило.

Ренар не возразил.

— Я пришёл проверить угрозу, — сказал он. — И могу уйти, если моё присутствие её увеличивает.

Лиору раздражало, что он оставляет решение Сае легче, чем она сама.

— Покажи ей запястье, — сказала Энна.

Лиора закатала рукав. Сая прочитала разделённую строку, затем посмотрела на такую же серебряную вязь у Ренара. Испуг промелькнул по её лицу и сразу превратился в злость.

— Ты опять решила всё одна.

— Решила не отдавать им карту.

— Я не о карте. Ты двадцать два года живёшь так, будто обещание девятилетней девочки даёт тебе право выбирать за меня.

— Оно заставляет меня выводить тебя домой.

— А если я не хочу в тот дом, который ты выбрала?

Пол под ногами вздрогнул. В шкафу звякнули чашки. Дом действительно помнил ночь затопления: двух девочек на кровати, воду у порога, голос Лиоры, повторяющий одно и то же обещание. Но в этой памяти младшая сестра всегда оставалась ребёнком.

Сая вынула из-под пресса тонкую синюю тетрадь.

— Я приготовила это неделю назад.

На первой странице значилось: «Договор сестёр о доме». Дальше шли короткие пункты. Лиора может приходить без приглашения днём, но не проверяет кладовую и не расспрашивает соседей. Сая сообщает, если ей нужна помощь, и вправе назвать, какая именно. Ни одна не обещает спасти другую ценой здоровья, работы или чужой свободы. Любой пункт можно пересмотреть вслух при второй стороне.

— Родство не договор, — сказала Лиора.

— Именно поэтому в нём так удобно прятать власть.

Лиора дочитала до конца. Внизу оставались два пустых места для имён.

— А если ты не успеешь попросить?

— Тогда действуй при непосредственной опасности. После — верни мне право решать.

— И бумага это обеспечит?

— Нет. Мы обеспечим. Бумага не командует, а напоминает.

Ренар подошёл ближе, но остановился в двух шагах от стола.

— Можно посмотреть переплёт, не текст?

Сая кивнула.

Он изучил корешок, где две нити шли рядом и нигде не затягивались узлом.

— Здесь нет замка.

— Потому что обещание, из которого нельзя выйти, — это клетка, — ответила Сая. — Даже если клетку называли порядком.

Серебряная строка на запястьях Лиоры и Ренара одновременно вспыхнула. В ту же секунду с улицы донёсся звон — не дверного колокольчика, а десятков маленьких бубенцов под водой.

Ренар резко обернулся.

— Закройте ставни.

— Кто это? — спросила Энна.

— Сонные сборщики. Они изымают вещи, ставшие проводниками незаконного сна.

— По чьему решению?

— Обычно архивного суда.

— Обычно?

В дверь ударили. Медный ключ вывернуло из замка, хотя никто к нему не прикоснулся. По порогу поползла серая вода, густая, как пепел. В ней отражались спящие лица.

— Именем временного закона, — произнёс голос снаружи, — предъявите домашние записи семьи Вей.

Не клятву. Не карту. Домашние записи.

Лиора прижала ладонь к груди. Карта раскрылась под рубашкой сама, и белая линия потянулась к лестнице, в комнату Саи.

— Они знают, что путь связан с домом, — сказала она.

Сая уже снимала книги с ближайшей полки.

— Оригиналы договоров нельзя унести. В них адреса людей, которые строят взаимные протоки.

— Есть задний выход? — спросил Ренар.

— Для людей. Книги дом не выпустит, пока стороны не получают копии.

Второй удар расколол верхнюю петлю. Сквозь щель просунулась длинная трость с серебряным кольцом. Кольцо вдохнуло, и чернила на ближайших листах потянулись к нему тонкими струйками.

Лиора выхватила речной нож и перерубила трость. Из среза брызнула вода. На полу возникли три сборщика в серых плащах — не вошли, а приснились дому через отражение. Их лица скрывали гладкие маски с закрытыми глазами.

— Архивные стражи не вмешиваются в законное изъятие, — сказал первый.

Ренар вынул ключ.

— Назовите номер решения.

— Срочное предписание регента.

— Это не решение суда.

— Отойдите, старший страж.

Ключ в руке Ренара засветился. Лиора ожидала, что он откроет сборщикам шкафы: так требовала должность, которую он ещё утром защищал как единственную преграду произволу. Вместо этого Ренар повернул ключ поперёк ладони.

— Дом принял меня на условии не читать без разрешения. Вы получили то же предупреждение у порога?

— Временный закон выше частного условия.

— Тогда предъявите строку, которая это устанавливает.

Сборщик поднял кольцо. Серебряный обод раскрылся и потянул к себе синюю тетрадь сестёр.

Ренар ударил ключом по кольцу.

Звук был негромким, но все окна мастерской почернели. Ключ разделился на две половины. Одна осталась у Ренара, другая вплавилась в пол, запирая отражения внутри узкого круга.

— Вы повредили служебный ключ, — сказал сборщик.

— Зафиксируйте в отчёте.

— Вас отстранят.

— После того как вы назовёте основание изъятия.

Сая опустила на стол самый тяжёлый пресс. Медная плита прижала серую воду к доскам. Энна стала рядом и разлила из склянки настой пробуждения. По комнате прошёл резкий запах мяты и железа; лица в воде открыли глаза.

Лиора поняла, что дом не нужно выводить. Нужно дать ему удержать собственные границы.

— Сая, твои договоры создают протоки. Можно связать их?

— Если владельцы согласны.

— Они услышат нас?

Сая положила ладонь на корешки.

— Услышат просьбу. Не приказ.

Нити засветились одна за другой. Булочница на Верхней улице могла отказаться. Лодочник мог промолчать. Кто-то так и сделал: две книги остались тёмными. Но десятки других ответили, и по мастерской протянулись янтарные линии. Они не били сборщиков и не запирали их. Они просто обозначили множество дверей, которые нельзя открыть одним чужим ключом.

Серая вода отступила.

Маски дрогнули. Первый сборщик протянул руку к лестнице, туда, где белая линия карты уходила в память дома. Лиора шагнула наперерез, но Сая оказалась рядом.

— Вместе, — сказала она. — И только сейчас.

Они взялись за края синей тетради. Лиора впервые не тянула сестру за собой. Дом вспомнил их взрослыми — двумя женщинами по разные стороны стола, удерживающими одну вещь по обоюдному решению.

Янтарный свет захлопнул отражение.

Сборщики исчезли. На полу остались вода, обломок трости и прямоугольный кусок бумаги с печатью регента. Там, где должен был стоять номер судебного решения, чернила были аккуратно соскоблены.

Ренар поднял бумагу за край.

— Это поддельное изъятие, оформленное настоящей печатью.

— Удобная разница, — сказала Лиора.

Он принял удар без защиты.

— Да.

Сая вытерла ладони о фартук и снова положила перед Лиорой договор сестёр.

— Нападение ничего не меняет. Ты не будешь проверять мои шкафы и решать, где мне безопаснее жить.

В Лиоре поднялся привычный ответ: перечислить угрозы, напомнить о затопленной двери, потребовать хотя бы ключ. Она посмотрела на погасшие договоры тех, кто не захотел откликнуться. Сеть выдержала их отказ.

— Я хочу добавить пункт, — сказала она. — Если опасность касается нас обеих, мы сначала обмениваемся тем, что знаем.

— Добавляй.

— И я могу просить. Ты можешь сказать нет.

Сая помолчала, затем придвинула чернильницу.

Они подписали договор. В корешке вспыхнули две отдельные нити — рядом, но не связанные узлом. Под запястьем Лиоры детская клятва отозвалась болью, словно не желала уступать место словам, которые можно пересмотреть.

Ренар смотрел на сломанный ключ.

— В отчёте вы напишете всё? — спросила Лиора.

— Напишу, что неизвестные использовали неподтверждённое предписание и что оригиналы остались у владельцев. Перед отправкой покажу вам текст.

— А про договоры?

— Архив не спрашивал о добровольных протоках.

Это была уловка, но впервые — не против неё.

Энна подняла найденный обломок трости. На серебре был выгравирован крошечный знак: открытая дверь над волной.

— Они пришли не за бумагами, — сказала Сая. — Они искали, что именно дом помнит о нас двоих.

Лиора взглянула на лестницу. Белая линия больше не вела в комнату сестры. Она уходила под мастерскую, туда, где под фундаментом журчала давно засыпанная вода.

Дом хранил ещё одну дорогу.

И теперь дворец знал, где её искать.

Глава 4. Архивный прилив

К полудню архив начал тонуть.

Снаружи Дворец клятв по-прежнему стоял на сухом холме, и солнце белело на его медных кровлях. Но за дверями нижнего хранилища вода уже доходила Лиоре до щиколоток. В ней плавали светящиеся обрывки фраз, слишком короткие, чтобы стать обещаниями: «до первого...», «никогда не...», «пока ты...». Они липли к сапогам и гасли.

— Не читайте вслух, — предупредил Ренар.

— Даже обрывки?

— Особенно обрывки. Архив попытается закончить их вашим голосом.

Лиора остановилась у железной решётки. После мастерской Саи ей хотелось вымыть с рук серую воду сборщиков, но вместо этого пришлось идти сюда: Ренар настоял, что найденную бумагу нужно сравнить с реестром печатей до смены караула. Он показал ей составленный отчёт, как обещал. В нём не было ни адресов владельцев договоров, ни упоминания о протоке под домом. Зато были его имя, номер сломанного ключа и точное описание нарушения приказа.

Он не спрятал собственный проступок.

Это не делало его безопасным. Только усложняло привычный вывод.

За решёткой стояла женщина в архивном фартуке и держала фонарь над головой. Вода окружала её, но ткань оставалась сухой. На шее у женщины висела дощечка с именем: Тейна Ор.

— Старший страж Таль, — сказала она. — Нижнее хранилище закрыто до отлива.

— Прилив не значит в расписании.

— Поэтому и закрыто.

Ренар приложил половину ключа к замку. Металл не откликнулся.

— Мой допуск приостановлен?

— Ваш ключ повреждён.

— Вторая половина всё ещё зарегистрирована на моё имя.

Тейна посмотрела на Лиору.

— А она зарегистрирована?

— Нет, — ответила Лиора. — И предпочла бы такой остаться.

— Тогда посетительница должна ждать наверху.

Из глубины хранилища донёсся звон переворачиваемой страницы. Вода поднялась на палец. Светящиеся обрывки закружились вокруг решётки.

— Мы ищем исходник пробной клятвы, составленной вчера в комнате сверки, — сказал Ренар. — Он должен был поступить в ячейку временных формул.

Тейна сжала ручку фонаря.

— Не поступал.

— Кто принимал вечернюю доставку?

— Я.

— Вы видели футляр?

— Я сказала: не поступал.

Лиора присела и коснулась воды двумя пальцами. Холод был не речным. Настоящая вода помнила тяжесть лодки, вкус ила, направление ветра. Эта помнила только отсутствие. В ней зияло место, где недавно лежало нечто цельное.

— Он был здесь, — сказала она.

Тейна шагнула назад.

— Лоцманы не читают архив.

— Я читаю течение. Кто-то вынул из него камень, и теперь всё русло заворачивает в пустую ямку.

Ренар опустился рядом, не касаясь воды.

— Насколько давно?

— После рассвета. До того, как начался прилив.

Тейна достала из кармана связку обычных ключей. На её запястье проступило красное пятно, похожее на ожог от шнура.

— Уходите, — сказала она. — Через четверть часа нижние полки уйдут под воду.

— Вы поэтому держите решётку закрытой? — спросила Лиора. — Чтобы никто не увидел, какая ячейка пуста?

Фонарь качнулся. На миг в воде отразилось не лицо Тейны, а длинный коридор с закрытой дверью в конце.

Ренар тоже заметил.

— Архивист Ор, кто наложил на вас запрет свидетельства?

— Никто.

Красная полоса на её руке затянулась.

— Не отвечайте, — сказала Лиора.

— Она обязана ответить старшему стражу.

— Ваш вопрос причиняет ей вред.

Ренар умолк. Серебряная строка под его манжетой дрогнула, требуя не допустить отказа, но он отступил от решётки.

— Архивист Ор, — произнёс он уже иначе, — вы не обязаны давать показания сейчас. Я спрашиваю только, нужна ли вам помощь.

Тейна закрыла глаза.

Красный след побледнел.

— Дверь, — прошептала она. — Я не могу вспомнить, что было за дверью.

Вода рванулась вверх и плеснула через решётку. Фонарь погас, но хранилище стало ярче: сотни незаконченных строк всплыли со дна. Одна обвилась вокруг лодыжки Тейны.

Лиора просунула руку между прутьями.

— Не обещайте мне ничего. Просто возьмитесь, если хотите выйти.

Тейна схватила её за ладонь.

Решётка исчезла.

Вместо хранилища вокруг них возникла широкая река под каменным потолком. Полки торчали из воды, как затопленный город. Ренар стоял на берегу — в одном шаге, но за непреодолимой далью.

— Лиора! — Его голос пришёл сверху, будто через толщу льда.

Она не ответила. Чужая память уже сомкнулась вокруг неё.

Тейна была здесь моложе на несколько лет. Она сидела в лодке, прижимая к груди пустой футляр, и снова повторяла одно и то же движение: вставала, подходила к двери в конце коридора, поднимала руку — и оказывалась в лодке. Память не могла пройти туда, куда ей запретили смотреть.

— Это случилось сегодня? — спросила Лиора.

— Сегодня случилось снова.

— А впервые?

— Когда принесли первую пробную клятву наследницы.

Слова едва прозвучали, и из воды поднялась волна. Лиора повернула их лодку носом к течению. Вёсел не было, зато под рубашкой шевельнулась карта.

— Не открывайте её, — сказала Тейна. — Здесь архив забирает дороги.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я уже видела вас у этой двери.

Лиора посмотрела на неё.

— Мы никогда не встречались.

— Я не помню встречи. Только её отсутствие.

Волна ударила сильнее. Лодка понеслась между полками. На корешках книг вместо названий стояли человеческие имена, и каждое отражалось в воде другой строкой. «Согласился» становилось «не возразил». «Передал» — «не удержал». «Поклялся» — «был назван поклявшимся».

Архив не просто хранил формулы. Он выбирал, как назвать произошедшее.

— Ваша память затоплена не запретом, — сказала Лиора. — Её переписали как свидетельство.

Тейна обхватила себя руками.

— Я принимала футляр утром. Проверила две пломбы. Поставила его в ячейку. Потом услышала звон печати.

Впереди возникла дверь. До неё оставалось всего двадцать шагов, но течение разворачивало лодку боком.

— Что было дальше?

— Я открыла дверь.

— По своей воле?

— Я... исполнила допуск.

Вода вздулась чёрной стеной.

— Это не ответ, — сказала Лиора. — Не мне. Вам.

Тейна зажмурилась.

— Я не хотела открывать.

Стена рухнула.

Лиора успела схватить Тейну за фартук. Лодка перевернулась, и память потащила их вниз, туда, где на дне лежали тысячи невысказанных отказов. Они шевелили губами без звука. Каждый мог стать руслом, но архив придавил их тяжёлыми печатями.

Карта прожгла ткань у груди. Белые линии раскрылись перед внутренним зрением Лиоры: дорога к рынку детства уже исчезла после рейса на Нижнюю пристань; маршрут домой дрожал, охраняя путь к Сае; тропа к лоцманской школе сияла ровно и ясно.

Семнадцать лет назад Лиора пришла по ней босая, с чужой лодочной верёвкой на поясе. Майра не спросила, из какой семьи девочка и умеет ли правильно кланяться. Она посадила Лиору у печи, дала ей сухие чулки и велела назвать три направления течения. На этой дороге стояли первый экзамен, первая собственная лодка, смех учениц на пристани и дверь, которую Лиора могла найти в любом сне.

Цена была справедливой только для реки. Не для неё.

Лиора потянулась к маршруту — и остановилась.

— Тейна, — сказала она под водой. — Если я открою проход, вы хотите увидеть, что случилось? Это может вернуть боль. Может изменить вашу работу. Может сделать вас свидетельницей против людей, которым вы служите.

Тейна перестала вырываться. Её волосы плавали вокруг лица тёмным венцом.

— А если я скажу нет?

— Я выведу нас обратно.

— Без двери?

— Без двери.

— Тогда да. Я хочу знать.

Лиора развернула карту.

Путь к школе вспыхнул, и река вырвала его целиком.

Не воспоминания — они остались. Лиора помнила печь, сухие чулки, голос Майры. Но теперь школа не имела направления. Она могла стоять за соседней стеной, на другом берегу или в городе, которого не существует. Ни один сон больше не привёл бы Лиору туда.

Боль оказалась тихой. Будто в доме, где она жила половину жизни, кто-то заложил дверь кирпичом.

На месте отданной линии возник узкий серебряный проход. Лиора вытолкнула в него Тейну и нырнула следом.

Они вынырнули в коридоре памяти.

У двери стоял человек в белых перчатках. Его лица не было видно: Тейна смотрела только на руку, прижатую к замку. На среднем пальце блестел перстень регентской канцелярии. Человек не произносил приказа. Он приложил к косяку квадратную печать, и дверь сама назвала его доступ законным.

Тейна в воспоминании подняла фонарь.

— Я должна сверить поручение.

— Вы уже сверили, — ответил человек.

— Я не видела документа.

— Видели.

Печать звякнула.

Тейна моргнула. В её руке появился лист с пустым местом вместо текста.

— Поручение действительно, — сказала она чужим, ровным голосом.

Человек вынул из ячейки три футляра. На первом стоял знак пробной клятвы Лиоры и Ренара. На втором — герб наследницы Иды. Третий был старым, с выцветшей надписью «Вей».

Лиора шагнула ближе, забыв, что видит лишь память.

Под гербом регента на печати тянулась едва заметная трещина в форме открытой двери над волной — тот самый знак, который Энна нашла на трости сборщиков.

— Кто вы? — спросила Тейна из настоящего.

Фигура повернулась.

Память разорвалась раньше, чем показала лицо.

Лиора снова оказалась в воде нижнего хранилища. Ренар держал её под плечи, не позволяя опуститься на дно. Другой рукой он поддерживал Тейну. Решётка была открыта: половина ключа торчала в замке и медленно чернела.

— Дышите, — сказал он.

Лиора оттолкнула его руку, встала и тут же пошатнулась. Не от слабости. Она попыталась определить, где находится школа лоцманов, и мир повернулся вокруг пустого места.

— Что вы отдали? — спросил Ренар.

— Не сейчас.

Он кивнул и больше не спрашивал.

Тейна сидела в воде, прижимая ладони к вискам.

— Три футляра, — сказала она. — Он забрал три. Почему в журнале отмечен только один?

Ренар взглянул на пустые ячейки. Две из них казались занятыми: на полках лежали аккуратные тени футляров.

— Потому что архив помнит запись, а не вещь, — ответила Лиора. — Если запись велит считать ячейку полной, вода обтекает отсутствие.

Она подошла к ближней полке. Тень футляра не сопротивлялась руке. Внутри ничего не было, но на пальцах осталась серебряная пыль.

— Можно извлечь след печати? — спросила она.

— Если реестр не переписан, — сказал Ренар.

— А если переписан?

— Тогда придётся сравнивать не оттиски, а износ матриц. Настоящая печать оставляет повреждения на каждом документе после трещины.

Тейна поднялась.

— Я проведу вас в зал матриц.

— Вам не обязательно идти дальше, — сказал Ренар.

— Обязательно — нет. Я выбираю.

Он снял с пояса жетон стража и положил на край полки.

— Тогда как свидетельница, а не подчинённая.

Верхние коридоры архива встретили их сухим теплом. Служащие отводили глаза от мокрой одежды Тейны и почерневшего ключа Ренара. Никто не спросил, почему нижнее хранилище затопило вне расписания. Здесь умели не замечать то, чему ещё не присвоили номер.

Зал матриц находился под куполом. В центре стоял круглый стол, разделённый на месяцы и ведомства. Каждая государственная печать лежала в прозрачном гнезде, а рядом висела лента использований: дата, имя хранителя, номер документа.

Гнездо регентской печати было пусто.

— На сверке, — прочитал Ренар с таблички. — С восьмого часа утра.

— Кто получил? — спросила Тейна.

Он провёл пальцем по ленте. Чернила собрались в имя.

«Ренар Таль».

Тейна отступила от него.

Лиора не двинулась. Серебряная строка под её рукавом стала ледяной.

— В восемь утра вы были у моей сестры, — сказала она.

— Да.

— Кто мог взять печать вашим именем?

— Тот, у кого есть мой полный оттиск допуска.

— Архив хранит его?

— В личном деле и на каждом приказе, который я исполнил.

Он не оправдывался. Именно поэтому его голос звучал опаснее убедительной лжи.

Ренар вынул из кармана половину сломанного ключа. Приложил к ленте. Металл задымился, и под его именем проступила вторая строка, скрытая при регистрации: «по распоряжению хранителя Переприсяги».

— Имя хранителя? — спросила Лиора.

— Должность принадлежит регенту до совершеннолетия Иды.

— Значит, Кастору.

— Значит, его должности, — поправил Ренар. — Пока у нас нет доказательства, что распоряжение дал он сам.

Лиора вспомнила человека без лица и три футляра в руках.

— Настоящая печать. Настоящий служебный допуск. Поддельная воля тех, чьи имена на них написаны. Ваш архив хорошо приспособлен для преступлений, которые выглядят как порядок.

— Да, — сказал Ренар.

Не «это исключение». Не «система надёжна». Простое согласие ударило сильнее спора.

Тейна наклонилась над гнездом.

— Здесь пыль.

В углу прозрачной выемки застряла тонкая синяя крупинка. Лиора узнала цвет воска на бумаге, оставленной сонными сборщиками.

Ренар достал щипцы, но не коснулся улики.

— Если я оформлю изъятие, запись увидит хранитель Переприсяги.

— Если не оформите, — сказала Тейна, — её нельзя будет предъявить суду.

— А если оформите, они узнают, что мы нашли след, — добавила Лиора.

Перед ними лежал выбор, и ни один порядок не мог сделать его невиновным.

— Сначала копия памяти Тейны, — решила Лиора. — Добровольная, с правом отозвать до передачи. Потом исследование пыли независимым мастером. Официальную запись создадим, когда у нас будет не одна улика, которую легко уничтожить.

Ренар посмотрел на Тейну.

— Вы согласны?

— Если копия останется у меня и ещё у человека вне архива.

— У моей сестры есть переплёты, которые нельзя изменить без уведомления владельца, — сказала Лиора. — Но я не обещаю за неё. Мы спросим.

Тейна кивнула.

Ренар завернул синюю крупинку в чистое стекло, не регистрируя находку. Затем снял ленту с ложной записью своего имени и оставил на столе пустое место.

— Теперь они увидят, что запись нарушена, — сказала Лиора.

— Увидят. Но не узнают, что именно мы прочли под ней.

Издалека донёсся глубокий удар дворцовых часов. По куполу пробежала серебряная рябь. Все печати одновременно повернулись в гнёздах гербами вверх.

Пустое место регентской осталось неподвижным.

— Она всё ещё у того человека, — прошептала Тейна.

Лиора подошла к окну. За стеклом город лежал ясный и сухой. Только теперь она видела, как под улицами поднимается архивная вода, находя путь к каждому дому, где чужое молчание однажды назвали согласием.

Ей нужно было предупредить Майру. Лиора привычно поискала в уме дорогу к школе — от запаха мокрого дерева к зелёной двери, через сон старого перевозчика, мимо колокола на затонувшей башне.

Дороги не было.

Она помнила каждый ориентир и не знала, в какую сторону сделать первый шаг.

Ренар стоял рядом, но не предлагал вести её. Ждал, пока она сама назовёт нужное.

— Мне понадобится проводник до школы, — сказала Лиора. Слова дались труднее, чем нырок в чужую память. — И это не делает вас хозяином маршрута.

— Нет, — ответил он. — Только проводником на один переход.

Под рукавом серебряная клятва обожгла обоих, недовольная условием, которое можно закончить.

А где-то во дворце треснутая печать регента ударила по новому документу.

Глава 5. Условия проводника

Ренар привёл Лиору не к школе.

Он остановился у дверей речной нотариальной палаты — узкого дома между канатной лавкой и общественной баней. Над входом висели медные весы: на одной чаше лежало слово «беру», на другой — «отдаю». Чаши не находили равновесия и тихо постукивали друг о друга.

— Я просила проводить меня к Майре.

— Просили быть проводником до школы на один переход. Я согласился слишком быстро и не уточнил условий.

— Уже жалеете?

— Уже понимаю, что устного согласия между человеком архива и женщиной, чью клятву архив должен стереть, недостаточно.

Лиора посмотрела на улицу. Она знала этот квартал: когда-то водила здесь ночные лодки для банщиков, которым снились горячие озёра. Но путь к школе, начинавшийся где-то неподалёку, оставался белым провалом. Чем настойчивее она его искала, тем сильнее кружилась голова.

— Если вы решили воспользоваться моей слабостью, выбрали странный способ.

— Я решил сделать так, чтобы воспользоваться ею было труднее.

В палате пахло железными чернилами и сушёной мятой. За стойкой сидел писец с перевязанными пальцами. Перед ним спорили две женщины: одна хотела обещать ухаживать за общим садом каждую субботу, другая настаивала на праве отменить работу во время болезни. Писец молча вписал болезнь в строку выхода, и медные нити документа перестали дымиться.

Ренар выбрал свободный стол.

— Нужен договор сопровождения, — сказал он. — Без передачи права на маршрут.

Писец поднял бровь, увидев знак архивного стража.

— Архив обычно пользуется служебной формой.

— Поэтому нужна гражданская.

Лиора села напротив Ренара, но не сняла сумку с картой. Серебряная строка на запястье тянулась к нему под столом. После нижнего хранилища она стала ярче, словно украденная клятва где-то рядом получила ещё один удар печати.

Писец положил перед ними чистый лист.

— Кто определяет путь?

— Я, — сказала Лиора.

Одновременно Ренар ответил:

— Лоцман.

Перо записало одно слово без исправлений.

— Кто отвечает за служебные препятствия?

— Я, — сказал Ренар.

— Только если заранее называет способ, — добавила Лиора. — Никаких ключей, печатей и команд от моего имени без прямого согласия.

— Запишите.

Писец записал. Чернила ненадолго стали синими, затем почернели.

— Кто может прекратить переход?

— Любой участник, — сказал Ренар.

— Нет. Любой может потребовать остановки. Но окончание перехода определяю я: в середине протоки нельзя просто проснуться, если это утопит остальных.

Ренар помедлил.

— Тогда право потребовать ближайшего безопасного выхода. И обязанность лоцмана объяснить, почему выход невозможен сейчас.

Это была разумная поправка. Именно поэтому Лиоре захотелось отвергнуть её.

В архиве разумными словами называли ловушки. «Допуск» означал приказ не помнить. «Исполнение» заменяло желание. Даже детская клятва Лиоры звучала как любовь, пока не выяснилось, что кто-то превратил её в дорогу к Первому руслу.

Она накрыла ладонью край листа.

— Я имею право прекратить весь переход при угрозе карте, пассажирам или моей способности вести. Без согласования с вами.

— Да.

— Вы имеете право отказаться идти дальше. Не имеете права забрать руководство.

— Да.

— Все записи, к которым мы получим доступ, копируются для меня. Не пересказ, не выдержка, не то, что архив сочтёт относящимся к делу. Полные копии.

Ренар посмотрел на писца.

— Записи с чужими личными клятвами нельзя выносить без согласия владельцев.

— Тогда я получаю перечень изъятых и причину ограничения. И право проверить её у независимого хранителя.

— Согласен.

— Вы не регистрируете найденное без моего ведома.

— Уведомить вас — да. Отдать вам право запрета — нет. Если появится непосредственная угроза жизни, я обязан передать сведения.

— Кому? Кастору?

У писца дрогнуло перо.

Ренар не отвёл взгляда.

— Дежурному судье вне дворцовой канцелярии. Одновременно копия уйдёт вам и ещё одному названному вами человеку.

— Сae.

— Если она согласится.

Лиора медленно убрала ладонь с листа. Он запомнил каждое возражение: поля покрылись тонкими развилками, показывающими, где предложение одного было изменено другим. Хороший договор не скрывал разногласий. Он хранил путь к согласию.

— Добавьте, — сказала она, — что сведения о моей карте, её утраченных маршрутах и цене переходов не принадлежат архиву.

— И сведения о моих служебных ключах не принадлежат гильдии лоцманов, — ответил Ренар.

— Мне не нужна ваша половина ключа.

— Вчера понадобилась.

— Вчера она почернела в замке.

— Тем более её устройство не должно оказаться в чужих руках.

Лиора увидела под форменной сдержанностью не подозрение, а страх. Не за должность. За то, что его допуск уже носил неизвестный человек с белыми перчатками.

— Хорошо. Только сведения, необходимые для конкретного перехода. После него доступ прекращается.

— С обеих сторон.

Писец отложил перо.

— Срок?

— До школы, — сказала Лиора.

— До завершения расследования, — сказал Ренар.

Весы над входом замерли. Даже женщины у соседнего стола перестали спорить.

Лиора услышала собственную усталость раньше, чем признала её. Один переход был прост: пересечь воду и расстаться. Расследование не имело известного берега. Оно могло длиться до Переприсяги, до суда или до следующей утраченной дороги.

— Два договора, — решила она. — Сопровождение до школы заканчивается сегодня. Доступ к записям действует семь дней и продлевается только новым согласием. Каждый переход оформляем отдельным приложением.

Ренар впервые за утро улыбнулся — не ей, а точности формулировки.

— Принимаю.

Они подписали лист. Медная нить прошла по буквам, не связывая запястья, и свернулась на полях двумя отдельными кольцами. Между ними осталось пустое место.

Писец протянул каждому по экземпляру.

— Договор вступает в силу, когда проводник называет первый ориентир, а лоцман принимает или отклоняет его.

На улице Ренар сказал:

— Первый ориентир — колокол затонувшей башни.

В памяти Лиоры колокол был третьим, а не первым. Раньше она приходила к нему через сон старого перевозчика. Теперь путь к тому сну исчез вместе со школьной дорогой.

Она закрыла глаза. Город шумел вокруг: телеги, крики грузчиков, удары воды о сваи. Под обычными звуками текла река снов, и где-то в ней глухо звонил колокол.

— Принимаю ориентир, — сказала Лиора. — Направление определяю я.

Она повела их не к реке, а в общественную баню.

Ренар не спросил почему. Это стало первой выполненной строкой договора.

В парильне дремал истопник, положив голову на сложенные полотенца. С его разрешения, полученного ещё много лет назад и записанного на дощечке у кассы, лоцманы пользовались его сном как тёплой протокой. Лиора коснулась влажной стены, нашла место, где известь отзывалась плеском, и открыла вход.

За стеной стоял туман. В нём звонил колокол, но башни не было видно.

— Держитесь на расстоянии руки, — сказала Лиора. — Не касайтесь меня без предупреждения. Если я остановлюсь, называйте звук, не направление.

— Принято.

Они шли по воде, которая была тёплой у поверхности и ледяной глубже щиколоток. Ренар называл удары: один слева, два впереди, долгий справа. Лиора выбирала между ними, пока из тумана не выступила крыша башни. На её шпиль висела зелёная дверь.

Раньше дверь стояла в конце дороги. Теперь дорога решила поставить её над головой.

— Служебный ключ может опустить лестницу, — сказал Ренар.

— Способ?

— Ключ назовёт шпиль архивным проходом на время нашего подъёма. После выхода название исчезнет.

— Цена?

— Архив получит отметку, что ключ использован. Без места и цели.

Лиора развернула карту лишь на ладонь. Исчезнувшая школьная линия оставила бледный след, похожий на заживший порез. Рядом дрожал маршрут к дому Саи. Река предлагала простой обмен: одну домашнюю дорогу за лестницу.

— Используйте ключ, — сказала она. — Только для лестницы.

Ренар предупредил, прежде чем пройти рядом. Приложил почерневший металл к воде. Из глубины поднялись ступени, каждая с одним словом: «временно», «до выхода», «без владения».

Лиора ступила первой.

Зелёная дверь открылась в школьной кладовой. На полках лежали свёрнутые паруса, пахло смолой и яблоками. Лиора знала каждую царапину на столе. Она могла назвать ученицу, которая спрятала за бочкой первую неудачную карту. Но если бы дверь закрылась сейчас, Лиора не нашла бы её снова.

Майра ждала во дворе.

Начальница гильдии стояла перед строем учебных лодок и держала письмо с дворцовой печатью. На её лице застыло то выражение, с которым она сообщала семье лоцмана, что река вернула пустое судно.

— Ты отдала дорогу сюда, — сказала она.

Не спросила. Майра слишком хорошо знала цену невозможных переходов.

— Чтобы вернуть память свидетельнице.

— Чью?

— Она сама назовёт себя, если решит.

Майра перевела взгляд на Ренара.

— А страж теперь твой поводырь?

— Проводник. По письменному договору. Руководство переходом осталось у меня.

Лиора протянула свой экземпляр. Майра прочла его целиком, не пропустив даже линии разногласий.

— Семь дней доступа к архивным записям, — произнесла она. — За семь дней дворец успеет закрыть нас навсегда.

Она отдала письмо.

Канцелярия требовала к вечернему звону предоставить журналы всех неофициальных рейсов гильдии за три года. До проверки лицензия оставалась действующей, но запрещала переходы, связанные с государственными служащими, дворцовыми снами и «неустановленными источниками законодательного течения».

Под запрет попадало почти всё, что предстояло сделать Лиоре.

— Они знают, что мы нашли след, — сказала она.

— Они знают достаточно, чтобы задушить школу проверкой. Здесь учатся двадцать три человека. Девять лоцманов кормят семьи рейсами. Если лицензию отзовут, наши лодки перестанут узнавать общественные причалы.

— А если мы остановимся, новая клятва через тридцать дней перепишет законы для всего королевства.

— Не говори со мной так, будто я не умею считать чужую цену.

Лиора услышала старую наставницу и старый собственный ответ: тогда я заплачу сама. Он уже поднимался к горлу.

Она удержала его.

— Чего ты хочешь от меня?

Майра чуть заметно вздрогнула. Лиора редко спрашивала. Обычно решала за обеих.

— Прекрати расследование как служебный рейс гильдии. Сдай знак лоцмана до окончания проверки. Тогда школа сможет утверждать, что ты действовала отдельно.

— И я потеряю право вести пассажиров.

— Официально — да.

— Неофициально вода всё равно узнает мой знак. Канцелярия это понимает.

— Поэтому следующая ошибка станет основанием закрыть нас.

Ренар молчал у двери. Он не заслонял письмо своей должностью и не обещал решить вопрос в архиве. Лиора была благодарна ему за это почти так же сильно, как злилась на необходимость благодарности.

— Есть третий вариант, — сказала она. — Гильдия не участвует в расследовании, но и не отрекается от моего ремесла. Я сдаю не знак, а право назначать рейсы от имени школы.

Работаю по гражданским договорам, каждый маршрут и пассажира утверждаю сама. Журналы, не относящиеся к проверке, остаются закрытыми до требования суда.

— Канцелярия назовёт это уклонением.

— Пусть назовёт. Название не меняет согласия людей, которых я веду.

Майра посмотрела на договор сопровождения.

— Архив научил тебя любить бумагу?

— Нет. Архив напомнил, как опасно отдавать бумагу тому, кто один решает, что она означает.

Между ними стояли двадцать три ученика, девять семей и школа, к которой Лиора больше не знала дороги. Если она уйдёт сейчас, Майре будет проще защищать лицензию. Если продолжит, опасность приблизится к каждому во дворе.

Но выбор за них тоже был бы разновидностью той же болезни. Лиора не могла обещать спасти гильдию ценой молчания, не спросив, нужна ли ей такая защита.

— Созови взрослых лоцманов, — сказала она. — Покажи письмо и мой ответ. Пусть каждый решит, разрешает ли хранить здесь копии наших материалов и готов ли школа сохранить со мной профессиональную связь. Учениц в голосование не втягивать. До решения я не использую ни лодки, ни причалы гильдии.

— А расследование?

Лиора взяла у Майры письмо, положила на перевёрнутую лодку и написала поперёк свободного поля: «Знак остаётся у владельца. Руководство каждым рейсом принадлежит лоцману. Гильдия не распоряжается расследованием и не отвечает за него без отдельного решения».

Затем подписалась.

— Продолжается.

Майра долго смотрела на подпись.

— Ты рискуешь лицензией.

— Не одна. Поэтому я не имею права ни принести эту жертву за всех, ни запретить им её выбрать.

Во дворе ударили в учебный колокол. На миг Лиора показалось, что зелёная дверь за спиной исчезла. Она не обернулась. Возвращение теперь требовало нового маршрута, а не попытки удержать старый.

Ренар подошёл, сохранив расстояние руки.

— Переход завершён, — сказала Лиора.

Медная нить на их экземплярах распалась. Договор сопровождения погас, не оставив ни долга, ни права продолжать.

— Доступ к записям действует ещё семь дней, — напомнил Ренар. — Но следующий переход требует отдельного приложения.

— Я помню.

— Тогда у меня есть запрос, а не приказ. Синяя пыль содержит сонный воск из закрытого квартала у Спящих ворот. Там хранится резервная книга выдачи печатей.

— И туда запрещает ходить письмо Майры.

— Письмо канцелярии, — поправила она. — Майра лишь показала цену.

Ренар кивнул.

— Вы поведёте?

Лиора посмотрела на медные весы нотариальной палаты, видимые над крышами. Чаши снова двигались, и ни одна не пыталась стать легче за счёт другой.

— Сначала условия, — сказала она. — Потом маршрут.

Глава 6. Спящие ворота

Условия перехода они записывали на крышке пустой бочки, пока над школой собирался дождь.

Майра отдала им двор, но не печать гильдии. Взрослые лощманы ещё спорили в учебном зале, и сквозь закрытые окна долетали отдельные слова: «лицензия», «семьи», «суд». Лиора не пыталась угадать решение. Просить людей выбирать, а затем караулить у двери было другой формой давления.

Речная нотариальная палата находилась слишком далеко, поэтому Сая прислала с мальчиком-посыльным лист добровольного договора и короткую записку: «Гражданская форма действительна при двух свидетелях. Свидетели подтверждают согласие, а не разумность затеи».

Свидетелями стали Энна и школьный лодочник Орс.

— Цель перехода, — сказала Лиора, — резервная книга выдачи печатей. Входим через общий сон квартала. Никаких ответвлений без нового согласия.

Ренар записал её слова.

— Служебный ключ применяется только к преградам, названным до входа.

— Мы не знаем, какие там преграды.

— Поэтому я перечислю назначение: открыть Спящие ворота, подтвердить мой допуск в хранилище и обеспечить ближайший безопасный выход. Никакого изъятия, ареста или изменения чужого сна.

— Если ключ потребует цену?

— Он не имеет права требовать её с вас.

— Это не ответ.

Ренар положил почерневший ключ рядом с листом. Дождь оставил на металле светлую точку и тут же скатился, будто поверхность была натёрта маслом.

— Служебные ключи оплачиваются присягой стража. Каждое применение вне поручения записывается как нарушение. Третье приостанавливает допуск до разбирательства.

— А какое это?

— Второе. Лестница к школе была первым.

Он мог бы промолчать. Договор требовал назвать способ, но не личную цену. Лиора отметила это и не стала превращать откровенность в право на расспрос.

— Если внутри окажутся люди, — сказала она, — мы прекращаем поиск книги и выводим тех, кто просит выхода.

— А если из-за этого потеряем улику?

— Тогда потеряем улику.

Ренар провёл ногтем по краю бочки.

— При непосредственной угрозе жизни — согласен. Но мы можем не понять, просят ли они выхода.

— Значит, прежде чем решать за них, ищем способ спросить.

Он вписал эту строку дословно.

Последним Лиора добавила право любого из них потребовать ближайшего безопасного выхода. Подписи легли рядом, не соприкасаясь. Энна расписалась широким лекарским почерком, Орс поставил квадратный знак лодочника.

— Подтверждаю, что вы оба добровольно согласились на глупость, — сказала Энна. — Разумность глупости не подтверждаю.

Она принесла им два пузырька горькой настойки.

— Если перестанете отличать собственное желание от навязанного, разбейте под носом. Проснётесь с головной болью, но своими людьми.

— А если не сможем захотеть разбить? — спросил Ренар.

Энна посмотрела на него внимательнее.

— Тогда надеюсь, что хотя бы один из вас успеет заметить.

До Спящих ворот они дошли по бодрствующему городу. Квартал лежал за старой стеной, где прежде жили переписчики законов и мастера печатей. После зимней лихорадки дворец объявил его небезопасным: ворота заперли, жильцам назначили переселение, а пустые дома отдали архивным складам.

Так говорила официальная доска.

За решёткой сушилось бельё.

На верёвке висели детская рубашка, три серых платка и передник с ещё тёмным от воды подолом. В окне второго этажа медленно качнулась занавеска.

— Квартал не пуст, — сказала Лиора.

Ренар прочёл табличку дважды, словно буквы могли признаться во лжи.

— В реестре переселение завершено девять месяцев назад.

— Реестр не стирает бельё с верёвки.

Ворота украшали две каменные головы с закрытыми глазами. Между их веками сочился синий воск — тот самый, чья пыль осталась в нижнем архиве. На решётке не было обычного замка. Прутья сходились в одну строку: «Вход воспрещён тем, кто не получил разрешения».

— У кого получать? — спросила Лиора.

Ренар нашёл мелкую приписку у петли.

— У хранителя режима квартала.

— Имя?

— Не указано.

Это был не запрет, а круг: войти мог только тот, кому разрешил неизвестный человек, а узнать его можно было лишь внутри.

Лиора развернула карту. У Спящих ворот река снов шла под мостовой широкой неподвижной полосой. Ни ряби, ни встречного течения. Настолько спокойная вода бывает либо мёртвой, либо удерживаемой.

— Я могу провести нас через сон жилья, — сказала она. — Но вход получится личным. Мы окажемся в чужом доме без приглашения.

— Ключ откроет ворота.

— Это одна из названных целей. Вы хотите использовать его сейчас?

Ренар достал ключ, но не приблизил к решётке.

— Да. Только открыть проход. Не признавать законным отсутствие жильцов.

— Принимаю.

Металл вошёл между словами, как лезвие между плохо сшитыми листами. Решётка задрожала. Каменные головы приоткрыли глаза, и из-под век хлынул синий свет.

— Допуск стража архива, — произнёс Ренар.

— Поручение? — спросили ворота двумя голосами.

Он мог назвать расследование. Мог сослаться на исчезнувший источник, на печать регента или на угрозу Переприсяге. Вместо этого сказал:

— Проверка условий содержания граждан, исключённых из реестра переселённых.

Ключ обжёг ему пальцы. Запахло горячим железом.

— Такого поручения нет.

— Поэтому я применяю личную ответственность допуска.

В почерневшем металле вспыхнула вторая белая трещина. Ворота раскрылись.

За ними не было дождя.

Капли висели в воздухе неподвижными бусинами. Улица уходила к круглой площади, и на каждой ступени, у каждого окна сидели люди. Кто-то держал чашку у губ. Кто-то склонялся

над сапогом, не закончив шнуровать. Девочка стояла посреди мостовой с деревянным обручем в руке.

Все дышали. Никто не двигался.

Лиора переступила порог и почувствовала, как карта потяжелела. Общий сон квартала не лежал под домами — он заполнял их до крыш. Здесь бодрствующее тело и спящий разум были сшиты одной синей нитью.

— Не касайтесь их, — предупредила она.

Ренар остановился рядом с пожилым мужчиной. Тот смотрел прямо перед собой. На радужке застыла крохотная строка.

— «Я согласен на покой», — прочёл Ренар.

— Это не согласие. Он не может даже моргнуть.

У женщины с чашкой строка была другой: «Я не возражаю против ожидания». У девочки — «За меня решают старшие». Слова отличались, но синие нити от глаз тянулись в одну сторону, к площади.

Лиора позвала девочку. Та не повернула головы. Тогда Лиора присела перед ней, оставаясь на расстоянии.

— Если ты меня слышишь, подумай о месте, куда хочешь уйти.

Карта дрогнула. На полях возникла тончайшая линия к кухне с тёплой печью, но сразу погасла.

— Она слышит, — сказала Лиора. — И пытается выбрать.

— Почему не просыпается?

— Потому что желание не становится течением. Его что-то глушит раньше, чем оно превращается в решение.

Они пошли вдоль синих нитей. Под подошвами не звучали шаги. Двери домов были открыты, и внутри застыли семьи: люди у столов, у постелей, возле недочитанных книг. Не пленники кошмара. Пленники бесконечного мгновения перед выбором.

На площади стоял сухой фонтан. В чаше лежала раскрытая книга, страницы которой были отлиты из синего воска. К ней сходились нити всего квартала.

Ренар наклонился, не касаясь переплёта.

— Реестр временного согласия. Такие заводят при бедствии, когда жители не могут явиться к писцу. Но в нём должны быть срок и способ отзыва.

— Здесь их нет.

На каждой странице повторялась одна формула: «До восстановления возможности заявить решение отсутствие возражения считается согласием».

Лиора перечитала и почувствовала холод глубже дождя.

— Возможность заявить решение восстанавливает тот, кто держит их спящими.

— А пока они спят, отсутствие возражения продлевает сон.

Система не требовала насилия каждую ночь. Ей хватало однажды отнять голос, а затем назвать молчание разрешением.

В центре книги синяя печать пульсировала в такт дыханию квартала. По её краю шёл номер, совпадавший с отметкой на восковой пыли из архива.

— Резервная книга выдачи должна быть в доме хранителя, — сказал Ренар. — Эта печать укажет адрес.

— Сначала спрашиваем людей.

— Мы уже знаем, что они хотят уйти.

— Знаем про одну девочку. Не про всех.

Лиора достала настойку Энны и разбила пузырь о край сухого фонтана. Горький запах разошёлся над площадью. Несколько человек вздрогнули, но не проснулись. Их строки на глазах потускнели, а синие нити натянулись сильнее.

Из книги поднялся голос:

— Лекарственное вмешательство не является заявлением отказа.

— Тогда как заявить отказ? — спросила Лиора.

Страницы зашелестели.

— Лично, в присутствии хранителя режима.

— Где хранитель?

— Вне режима ожидания.

Опять круг. Только теперь внутри него были люди.

Лиора разложила карту на камне. Домашние маршруты светились слабо, словно квартал уже пробовал пить их. Можно было отдать одну дорогу и прорезать выход для девочки. Может быть, ещё одну — для женщины с чашкой. Но здесь жили десятки. Карты не хватило бы, а первая жертва позволила бы книге назвать остальных согласными.

— Не платите, — сказал Ренар.

— Я и не собиралась.

Это было не совсем правдой. Привычное решение уже успело подняться в ней: выбрать тех, кого удастся спасти, и раздать себя по частям. Теперь Лиора узнала его до того, как оно стало поступком.

— У закона должно быть течение, — сказала она. — Он поддерживает себя чем-то, что получает от людей.

Ренар посмотрел на нити.

— Согласием.

— Нет. Согласие создаёт дорогу между двумя решениями. Здесь дороги нет.

Она коснулась карты не ладонью, а тупым концом лоцманского пера. Линии квартала проявились как сеть тупиков. В каждом доме течение доходило до мгновения, когда человек хотел сказать «нет», и обрывалось. Обрыв не исчезал. Он уходил под площадь и питал печать.

— Отказами, — поняла Лиора. — Невысказанными отказами. Закон забирает силу решения, которое сам не даёт произнести.

Ренар побледнел.

— Архив считает неподанное возражение пустотой.

— Пустота не стала бы держать целый квартал.

Она провела пером против течения. Карта показала не выход, а множество коротких дорог — от каждого человека к одному слову, застрявшему у него внутри.

— Мы не обязаны будить их всех сразу. Нужно дать отказу прозвучать хотя бы здесь, во сне.

— Формула требует личного присутствия хранителя.

— А ключ может подтвердить ваш допуск в хранилище.

— Это не хранилище.

Лиора указала на книгу.

— В ней хранят то, что люди не смогли сказать.

Ренар понял раньше, чем ответил. Служебный ключ мог назвать объект архивным, но такое применение меняло не замок, а смысл приказа. Ключ уже имел две белые трещины. Третье нарушение лишало его допуска.

— В договоре названа цель, — сказала Лиора. — Не обязанность. Вы можете отказаться.

На площади было слышно общее дыхание. Ренар посмотрел на людей, которых его реестр называл переселёнными. Потом снял с воротника знак стража и положил рядом с книгой, будто отделял должность от решения.

— Я не могу применять ключ для изменения чужого сна, — сказал он.

— Не можете.

— Но могу открыть хранилище и обеспечить безопасный выход.

— Если сами считаете это хранилищем.

— Считаю.

Он вставил ключ в синюю печать.

Книга закричала голосами всех, кому не дала говорить.

Белая трещина пересекла металл. Знак стража погас. Ренар согнулся, но не отпустил ключ.

— Хранилище невысказанных отказов, — произнёс он. — Открыть владельцам содержимого. Без изъятия. Без передачи прав архиву.

Синие страницы лопнули.

По площади прокатилось одно огромное «нет» — не слово даже, а выдох, стон, плач, удар ладони по столу. Девочка первой уронила обруч. Женщина выплеснула остывшую воду из чашки. Старик рядом с воротами закрыл глаза и медленно открыл их уже без строки на радужке.

Дождь упал сразу весь.

Люди закричали, закашлялись, бросились к дверям. Лиора поднялась на край фонтана.

— Не бегите к воротам! — крикнула она. — Вы проснулись внутри общего сна. Выход пойдёт за теми, кто назовёт его сам. Вспомните место, где соглашались быть сегодня до закрытия квартала. Не дом вообще — конкретную комнату, двор, лавку!

Кто-то не слышал. Кто-то требовал хранителя. Девочка схватила женщину с чашкой за руку и назвала кухню с тёплой печью. На карте снова появилась тонкая линия, теперь яркая и устойчивая.

— Вот первая дорога. Идите за ней по пятеро. Никого не тащите силой. Спрашивайте.

Лиора распределяла потоки, пока площадь переставала быть толпой и становилась множеством решений. Ренар, пошатываясь, удерживал раскрытое хранилище. Каждый произнесённый отказ выходил из книги синей искрой и гас в дожде.

Когда последний человек покинул площадь, печать рассыпалась. Под ней обнаружилась железная скоба с адресом: Дом Печатника, третий подвал.

— Резервная книга, — сказал Ренар.

— Нашли адрес. Этого достаточно.

— Мы можем забрать её сейчас.

Лиора посмотрела на его руку. Вокруг пальцев проступал белый ожог в форме ключа. Служебный знак у фонтана оставался тёмным.

— Непосредственная угроза миновала. Ваш допуск приостановлен, а мой маршрут держится на выборе людей, которые уже вышли. Новый поиск потребует нового договора.

Ренар хотел возразить, но только кивнул.

— Требую ближайший безопасный выход.

— Требование принято.

Они вышли через кухню, названную девочкой. В бодрствующем мире это оказалась полупустая комната над булочной за стеной квартала. На печи пригорал суп. Девочка сидела на полу, прижав обруч к груди, а женщина с чашкой растирала ей руки.

— Мы отсутствовали девять месяцев? — спросила женщина.

Ренар открыл рот, но Лиора ответила первой:

— Так записано в реестре. Сколько времени прошло для вас, придётся выяснять отдельно.

Она не стала дарить удобную уверенность там, где её не было.

У ворот уже собирались люди. Одни искали родных, другие требовали судью, третьи просто стояли под дождём и повторяли собственные имена. Синий воск стекал с каменных лиц грязными ручьями.

Ренар поднял погасший знак.

— Я должен сообщить о применении ключа.

— По нашему договору — сначала уведомить меня.

— Уведомляю. Передам дежурному судье сведения об угрозе жизни и исключённых из реестра граждан. Полная копия вам и Сае, если она согласится. Адрес резервной книги пока не регистрирую: непосредственной угрозы от неё мы не доказали.

Лиора ожидала облегчения и не почувствовала его. Он выполнил договор сейчас. Завтра процедура могла потребовать от него другого, и тогда точность станет оружием против них обоих.

— Ваша присяга?

— Допуск приостановлен до разбора. Ключ больше не откроет служебную дверь.

— Жалуете?

Ренар посмотрел на девочку с обручем. Та выбирала, идти ли к женщине или остаться у окна. Никто не подталкивал её.

— Боюсь последствий, — сказал он. — Это не то же самое.

Лиора сложила карту. На ней появилась новая линия — не дорога домой, а короткий проход от сомнения к произнесённому отказу. Она не принадлежала ей и исчезла, едва Лиора попыталась запомнить форму.

— Закон питается тем, что называет пустотой, — сказала она. — Если это происходит не только здесь, каждая новая клятва становится сильнее от людей, которым не дали возразить.

— А резервная книга покажет, кто выдавал печати.

— Покажет, если мы войдём туда не так, как от нас ждут.

Ренар спрятал бесполезный ключ.

— Сначала условия?

— Сначала последствия этих условий, — ответила Лиора. — Потом следующий маршрут.

Глава 7. Цена правильной процедуры

В приёмной дежурного судьи пахло мокрой шерстью, чернилами и супом, который никто не успевал съесть горячим.

Спасённых из квартала Спящих ворот рассадили вдоль стен. Девочка с деревянным обручем спала, положив голову женщине на колени, и теперь этот обычный сон казался чудом. Остальные говорили одновременно: называли имена, адреса, родство, требовали объяснить девять месяцев, исчезнувшие из календаря. Писцы не поспевали за ними и всё чаще просили повторить только то, что можно внести в клеточки бланка.

Лиора стояла у окна и держала свёрнутую карту под плащом. После общего сна бумага оставалась тёплой, будто в ней ещё дышали десятки возвращённых дорог.

— Вы можете уйти, — сказал Ренар.

Его погасший знак лежал на столе перед помощницей судьи. Белый ожог на ладони успели перевязать, но пальцы всё равно подрагивали.

— Могу, — согласилась Лиора. — Тогда протокол составят без меня.

— Я пришлю копию Сае.

— Копия покажет, что вы сказали. Не то, о чём вас спросили.

Ренар посмотрел на неё устало, без привычной архивной неподвижности.

— Вы мне не доверяете.

— Я доверяю договору. Поэтому остаюсь.

Фраза прозвучала жёстче, чем Лиора хотела, но смягчать её она не стала. Доверие к человеку и расчёт на условия были разными дорогами. Опасно было называть их одной.

Дверь зала открылась. Помощница пригласила Ренара и «нанятого проводника». Лиора поправила её:

— Руководителя маршрута.

Помощница недовольно перечеркнула строку.

Дежурный судья Бран Корд сидел под часами с двенадцатью одинаковыми стрелками. Ни одна не двигалась, пока он читал. На краю стола стояла чашка с засохшей чайной коркой. Перед ним уже лежали три донесения: об обнаружении граждан, о нештатном применении ключа и о временном закрытии Спящих ворот.

— Страж Ренар Вей, — начал он, не предлагая сесть. — Вы подтверждаете применение ключа к объекту, не указанному в поручении?

— Подтверждаю.

— Название объекта?

— Хранилище невысказанных отказов, оформленное как реестр временного согласия.

Перо писца замерло.

— В утверждённом перечне такого вида хранилищ нет.

— До сегодняшнего дня я тоже не знал, что он существует.

— Тогда на каком основании вы присвоили ему статус?

— В нём удерживались принадлежащие гражданам волеизъявления. Без права передачи архиву.

Судья поднял глаза.

— Вы хотите, чтобы протокол принял философское рассуждение за служебное основание?

— Я хочу, чтобы протокол назвал содержимое тем, чем оно оказалось.

Лиора услышала в его голосе ту самую точность, которой ещё утром опасалась. Сейчас она защищала людей. Но точность не выбирала сторону сама; сторону выбирал тот, кто задавал вопрос.

Судья повернулся к ней.

— А вы подтверждаете, что именно использование ключа разорвало удерживающее заклятие?

— Нет.

Ренар едва заметно напрягся.

— Объясните.

— Ключ открыл хранилище. Заклятие утратило силу, когда людям вернули возможность произнести отказ. Без их решения металл ничего бы не сделал.

— Каким средством вы вернули возможность?

— Лоцманским переходом.

— Средство перехода?

— Профессиональный навык.

— Оружие?

— Перо и карта.

— Предъявите карту.

Вот и короткая дорога от правильного ответа к чужим рукам.

— Нет, — сказала Лиора.

Писец всё-таки сделал кляксу.

— Вы находитесь при суде.

— А не на обыске. Карта содержит домашние маршруты моих клиентов и сестры. В нашем договоре с архивом нет разрешения раскрывать их третьим лицам.

Бран перевёл взгляд на Ренара.

— Договор зарегистрирован?

— Да.

— В нём предусмотрено обеспечение безопасности вещественных доказательств?

— Предусмотрено уведомление Лиоры до регистрации находок и отдельное согласие на каждый переход.

— Я спрашивал не это.

Ренар молчал ровно один вдох.

— Карта может содержать след воздействия печати. След является вещественным доказательством.

Лиора почувствовала, как бумага под плащом шевельнулась. Не от магии — от её руки, сжавшей край.

Он произнёс правду. Полную, аккуратную и способную лишить её единственного пути домой.

Судья протянул ладонь.

— Передайте доказательство писцу для опечатывания.

— Сначала уведомление, — сказала Лиора Ренару.

Он повернулся к ней. Теперь между ними был стол, но казалось, будто снова выросла решётка Спящих ворот.

— Уведомляю: архив намерен зарегистрировать карту как носитель следа незаконной печати.

— Вы намерены её передать?

— Я обязан сохранить возможное доказательство.

— Это не ответ.

Судья постучал ногтем по донесению.

— Ваши частные условия не могут задерживать производство.

— Могут, если без них вы не получили бы ни одного сведения, — сказала Лиора.
— Страж применил ключ в рамках перехода под моим руководством. Наш договор требует назвать цель передачи и последствия для маршрута.

— Цель — исследование. Последствия определит хранитель доказательств.

— То есть никто в этой комнате не обещает, что карта вернётся ко мне целой.

Ответом стала тишина.

Лиора посмотрела на Ренара. У Спящих ворот он выбрал людей раньше должности. Теперь должность вернулась не знаком на воротнике, а выученной последовательностью действий: обнаружить, описать, передать. Он, возможно, верил, что внутри процедуры сумеет защитить карту. Но сама процедура уже не признавала её картой. Только носителем следа.

— Вы сказали, что адрес резервной книги пока не регистрируете, — напомнила она.

— И не регистрировал.

— Но сообщили достаточно, чтобы потребовать мою карту.

— Я не мог скрыть способ освобождения квартала.

— Могли назвать действие, не превращая инструмент в добычу.

— Тогда протокол был бы неполным.

Вот она, цена правильной процедуры: не ложь и не предательство, которые легко отвергнуть, а честность, помещённая в чужой порядок вопросов.

Лиора вынула карту. Судья выпрямился. Ренар шагнул к ней, и она сразу подняла ладонь.

— Не приближайтесь.

Он остановился.

Карта раскрылась лишь на ширину пальца. По краю бежала тонкая синяя искра — остаток общей печати. Лиора коснулась её пером и повела к пустому листу протокола. Искра потянулась за металлом, но, едва покинув карту, свернулась знаком Спящих ворот.

— След перед вами, — сказала Лиора. — Отделён без передачи клиентских маршрутов.

Писец поднёс к знаку стеклянную пластину. Синяя линия впечаталась в неё и застыла.

— Это допустимо? — спросил судья у Ренара.

Ренар изучил оттиск.

— Для сверки печати — да. Для исследования механизма перехода — нет.

— Механизм перехода не входит в предмет происшествия, — сказала Лиора. — Если суд считает иначе, пусть выдаст отдельное требование гильдии и уведомит людей, чьи дома хочет вскрыть.

Бран долго смотрел на неё, затем пододвинул пластину к писцу.

— Принять оттиск. Карту в протоколе отметить как непредъявленную.

Не победа. Отсрочка, записанная как отказ сотрудничать.

Дальше вопросы становились мельче и опаснее. Кто первым назвал реестр хранилищем? Сколько человек произнесли отказ? Какие маршруты использовались для выхода? Лиора отвечала только о собственных действиях. Ренар — обо всём, что считал установленным. Иногда их ответы совпадали. Иногда его точность подводила судью вплотную к границе, которую Лиора потом отстаивала одна.

Когда Бран спросил, не проявляла ли карта самостоятельной реакции на адрес Дома Печатника, Ренар посмотрел на Лиору прежде, чем ответить.

Слишком поздно. Сам взгляд сообщил, что адрес существовал.

— Какого дома? — немедленно спросил судья.

— Вопрос выходит за пределы уведомления об угрозе жизни, — сказал Ренар.

— Вы скрываете вещественную находку?

— Я отделяю предположение от установленного факта.

— Тогда передайте исходные данные, и суд установит сам.

Ренар положил обе ладони на стол. Белая повязка быстро темнела от крови.

— Под разрушенной печатью находилась скоба с адресом резервной книги выдачи. Мы её не изымали и помещение не осматривали.

Лиора закрыла глаза на мгновение. Он сдержал обещание до первого прямого вопроса.

Бран написал распоряжение быстрее, чем писец успел просушить предыдущую страницу.

— Городской страже обеспечить третий подвал Дома Печатника. Архиву направить хранителя с допуском. Любые карты, ключи и реестры изъять до проверки.

— Мы только что сообщили, что архивная процедура использовалась для удержания людей, — сказала Лиора. — И вы отправляете туда архив.

— Я отправляю уполномоченного специалиста.

— Ренар тоже был уполномоченным специалистом, пока не увидел то, чего не было в перечне.

Судья отложил перо.

— Если у вас есть обвинение против конкретного лица, назовите его. Если нет, не мешайте сохранить доказательства.

Конкретного лица у неё не было. Только номер печати, исчезнувший исходник и дворцовая власть, слишком большая, чтобы поместиться в клеточку.

— Дайте нам час, — сказал Ренар. — Лоцманский осмотр позволит определить, безопасен ли обычный вход.

— Ваш допуск приостановлен. Её карта не предъявлена. Вы оба закончили участие до решения комиссии.

Помощница судьи открыла дверь.

В коридоре стало шумнее. Кто-то из спасённых узнал родственника; радостный крик тут же перешёл в плач. Лиора прошла мимо, не оглядываясь. Ренар догнал её на лестнице.

— Я предупрежу Майру, — сказала она.

— Лиора.

— Только по делу. Семидневный договор остаётся в силе, пока одна из сторон не расторгнет его письменно. Переходы — отдельно. Копии регистраций — Сае.

— Я понимаю, почему вы злитесь.

Она остановилась.

— Нет. Вы пытаетесь превратить это в чувство, которое можно переждать. Я злюсь, но дело не в злости. Вы показали границу своей надёжности.

— Я не передал карту.

— Потому что я нашла другой способ. Вы назвали её доказательством и подтвердили судье, что она нужна для исследования.

— Если бы я отрицал очевидное, Бран получил бы основание признать весь протокол недостоверным.

— Я не просила лгать.

— Тогда чего?

— Замечать, кому служит точный ответ.

Он провёл здоровой рукой по мокрым волосам.

— В архиве точность защищает от произвола.

— Сегодня произвол пришёл с пустым бланком и попросил вас аккуратно его заполнить.

Ренар принял удар, не защищаясь сразу. Это почти смягчило её — и потому разозлило сильнее.

— Я не буду обсуждать с вами то, что не относится к договору, — сказала Лиора. — Ни мою карту, ни дом, ни страхи, ни ваши сожаления. Для маршрута этого не требуется.

— А если потребуется доверие?

— Тогда будем опираться на проверяемые действия.

Она спустилась, оставив его на лестнице. Он не пошёл следом.

У входа ждала Сая. Под мышкой у неё был свёрток переплётов добровольных договоров, в руке — две кружки с крышками.

— Энна сказала, ты забудешь поесть, — сообщила она и протянула одну кружку. — Я принесла бульон. И доказательство, что ты не единственная, кто умеет угадывать последствия.

Лиора выпила слишком горячий глоток. Только после этого заметила, как дрожат колени.

— Дом Печатника оцепят.

— Уже. Я видела стражу на Меловой улице.

— Нам нужна Майра.

— Она в гильдии. И очень хочет знать, почему половина города решила, что лоцманы похищали людей девять месяцев.

— Уже половина?

— Вторая половина считает, что мы их спасли. К вечеру мнения поменяются местами.

Сая не спросила о Ренаре. За это Лиора была благодарна.

Они пошли к гильдии переулками. Дождь смывал с мостовой синий воск, но в щелях он застыл снова. На перекрёстках глашатаи зачитывали распоряжение суда: жителям Спящих ворот предписывалось явиться для подтверждения личности и «уточнения добровольности пребывания». Людей, которых лишили возможности отказаться, теперь просили доказать, что они не соглашались.

— Запиши имена тех, кому нужна помощь с заявлениями, — сказала Лиора.

— Я уже начала.

— И не отдавай список архиву.

Сая покосилась на неё.

— Это было правило ещё до сегодняшнего дня.

В гильдии их встретил непривычный порядок. Лодки были подняты на цепях, журналы убраны, ученикам велели разойтись по домам. На длинном столе лежало уведомление о временной проверке лицензии. Майра стояла над ним, уперевшись кулаками в дерево.

— Ваш договор, — сказала она вместо приветствия. — В нём есть пункт о действиях, способных затронуть лицензию гильдии.

— Есть, — ответила Лиора. — Обязанность уведомить после устранения непосредственной угрозы.

— Угроза устранена два часа назад.

— Последние жители вышли меньше часа назад. Потом нас удерживал суд.

Майра перевела взгляд на Саю.

— Оставь нас.

— Нет, — сказала Лиора.

— Это разговор старших лоцманов.

— Это разговор о договоре, который переплетала Сая, и о списках людей, которым она помогает. Она останется, если хочет.

Сая поставила свёрток на стол.

— Хочу.

Майра сжала губы, но спорить не стала.

Лиора рассказала о реестре, невыказанных отказах, адресе под печатью и распоряжении Брана. О карте сказала только то, что суд пытался её изъять. Имя Ренара произносила как обозначение стороны договора, без интонации.

— Дом Печатника, третий подвал, — повторила Майра. — Там нет действующего русла.

— Откуда вы знаете?

— Все городские русла нанесены на гильдейские схемы.

— Спящие ворота тоже были нанесены как пустой квартал.

— Не мной.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Сая развязала свёрток.

— Я принесла копии договоров жильцов. Не тех, которые архив считал согласием, а старых: на доставку, лечение, обучение. У семи семей один и тот же свидетель.

Она разложила переплёты. Лиора узнала знак гильдии — лодка, разделённая линией течения. Рядом стояла подпись: размашистая, с длинной нижней чертой, похожей на причальный канат.

Майра перестала дышать.

— Кто это? — спросила Сая.

Лиора знала почерк. Им были подписаны её первый допуск, право вести ночные рейсы и свидетельство после гибели матери.

— Майра Оллен, — прочла она.

Наставница не отрицала.

— Эти договоры заключались до закрытия квартала, — сказала она. — Люди просили сохранить пути сна, пока дворец пересматривал берега.

— Вы свидетельствовали их добровольность?

— Тогда — да.

— А потом?

— Потом условия изменились.

— И вы никого не предупредили?

Майра посмотрела на поднятые лодки, на пустые места учеников, на уведомление о лицензии.

— Я предупреждала тех, кого могла вывести, не закрыв гильдию целиком.

Сая медленно собрала переплёты, но один оставила перед ней.

— Девять месяцев люди сидели в одном мгновении.

— А девять сотен семей всё это время пользовались нашими маршрутами, — ответила Майра. — Если бы гильдию уничтожили тогда, дворец получил бы все домашние дороги сразу.

Лиора почувствовала знакомый соблазн арифметики: несколько оставленных ради многих спасённых. Так легко было назвать это единственно возможным выбором, если считать только тех, кто остался на твоей стороне двери.

— Адрес резервной книги вы знали? — спросила она.

Майра не ответила.

Этого оказалось достаточно.

За окнами ударил колокол. Один раз — оцепление. Второй — служебное изъятие. Третий звук оборвался на середине, словно кто-то прижал язык колокола рукой.

Карта под плащом Лиоры дёрнулась к востоку. Не к Дому Печатника, а глубже, под дворец. На миг проступила новая линия, составленная из семи старых договоров и одной знакомой подписи.

Майра увидела свет сквозь ткань.

— Не открывай её здесь.

— Почему?

— Потому что печать ищет ответный маршрут.

— Откуда вы знаете?

Наставница закрыла глаза.

— Потому что я отдавала дворцу безопасные протоки. По одному. Каждый месяц. Чтобы остальные оставались нашими.

Лиора положила ладонь на карту, не позволяя ей раскрыться.

Правильная процедура потребовала карту. Правильный компромисс отдал протоки. Оба обещали сохранить больше, чем забирали. И оба оставляли цену тем, чьи имена не помещались в решение.

— Начните с первого, — сказала Лиора. — И на этот раз не решайте за нас, какую часть правды мы способны выдержать.

Глава 8. Компромисс Майры

Майра начала не с первого протока.

Она подошла к окну, проверила задвижку, потом сняла со стены дежурный колокол и уложила его языком на сукно. В гильдии не осталось учеников, но пустой дом всё равно слушал: дождём в водостоках, натянутыми цепями подъёмников, водой под половицами.

— Первый раз был двенадцать лет назад, — сказала наставница. — Но это не тот ответ, который вам сейчас нужен.

— Не решайте за нас, — напомнила Лиора.

Майра обернулась.

— Тогда приготовьтесь провести здесь ночь. История длинная.

Сая придвинула к столу три стула.

— До ночи стража успеет вынести резервную книгу, — сказала она. — Начните с того протока, который ведёт к ней.

Лиора не вмешалась. Майра привыкла, что младшие в гильдии ждут её порядка вопросов. Сейчас порядок установила Сая, и наставнице пришлось это принять.

— К книге не ведёт ни один проток, — ответила Майра. — Так её и защищали. Дом Печатника — только сухой адрес, место, куда можно прийти ногами. Настоящий вход открывался из сна того, чьей подписью заверен выпуск.

— Чьей?

— Наследницы Иды.

Имя прозвучало тихо, но карта под плащом Лиоры отозвалась дрожью. Ида Келен, единственная дочь покойной королевы, через тридцать дней должна была произнести первую строку Переприсяги. На городских изображениях ей придавали одинаковое выражение: спокойное лицо человека, который согласен со всем заранее.

— Ей девятнадцать, — сказала Сая. — Вы использовали сон ребёнка?

— Когда проток заложили, ей было восемь. Я не входила в её сон. Мне передавали закрытый проход с дворцовой стороны.

— Кто передавал?

Майра посмотрела на переплёт с собственной подписью.

— Королева Эйра.

Лиора знала официальную историю: Эйра умерла после лихорадки, когда Иде было десять. Город три дня носил серебряные ленты, а потом регент Кастор объявил, что сохранит законы сестры до совершеннолетия наследницы. С тех пор совершеннолетие Иды успело наступить, но регентство не закончилось. Каждая Переприсяга добавляла к королевской формуле новую отсрочку.

— Зачем королеве понадобился тайный выпуск из собственного архива? — спросила Лиора.

— Чтобы выносить исходные строки до того, как совет их переписет. Она поняла, что дворец меняет не только законы. Он меняет память о том, какими они были.

— И доверила это вам?

— Не мне одной. Троице: старшему хранителю, королевскому врачу и лоцману, который мог провести бумагу по воде сна. Хранитель исчез. Врач подписал признание в измене. Я сохранила проток.

— Отдавая по нему людей дворцу? — спросила Сая.

Майра резко выдохнула.

— Нет. Без красивых обобщений. Людей я не отдавала. Я передавала перечни безопасных русел: служебные переправы, старые склады, опустевшие дома, сны умерших владельцев. Взамен гильдия сохраняла лицензию на домашние маршруты.

— Спящие ворота были не опустевшими.

— Когда их внесли в перечень, были. Квартал расселяли после просадки берега. Мне показали акты.

Сая постучала ногтем по старому договору.

— А эти люди?

— Вернулись позже. Самовольно, потому что на новых местах не могли спать. Я узнала через месяц.

— И девять месяцев молчали.

— Я вывела семнадцать семей через соседние сны. Потом дворец запечатал квартал. Если бы я продолжила, закрыли бы все протоки гильдии.

Лиора слушала числа и видела, как Майра строит из них берег. Семнадцать выведенных. Девять сотен сохранённых. Семь оставшихся договоров. В такой арифметике всегда находилась сторона, с которой решение выглядело спасением.

— Назовите имена тех семнадцати семей, — сказала она.

— Зачем?

— Мы спросим, что им было известно. Предупреждали ли вы о людях, оставшихся внутри. Просили ли помощи. Кому рассказывали о цене собственного спасения.

— Ты думаешь, я лгу?

— Я думаю, вы двенадцать лет выбирали, какую правду кому можно знать. Поэтому теперь одной вашей памяти недостаточно.

Майра села. Впервые за весь разговор она выглядела не старой — Лиора никогда не считала пятьдесят два года старостью, — а уставшей до прозрачности. Под глазами залегли тени, пальцы на столе побелели.

Когда-то эти руки учили Лиору различать течение и желание спящего. Майра ставила чашку на край лодки и заставляла пройти быстрый рукав, не расплескав воду. «Хороший лоцман не доказывает реке силу, — говорила она. — Он замечает цену до того, как её заплатит пассажир».

— Записывай, — сказала Майра Сая.

Она перечислила семнадцать фамилий и новые адреса. На шестом имени голос сорвался, но она продолжила. Двоих уже не было в живых. Одна семья уехала из города. Остальные могли свидетельствовать.

Сая писала без комментариев.

— Теперь ежемесячные передачи, — потребовала Лиора. — Даты, места, кто принимал.

— У меня нет полного списка.

— Начните с того, что помните.

— Вы не понимаете. Перечни давали на воде. После передачи часть встречи исчезала из памяти.

— Цена протока?

— Защита дворца. Если договор раскрывали, у передавшего стиралось лицо принимающего и точный путь.

— Но подпись оставалась.

Майра кивнула на договоры.

— Подпись была залогом. Они не могли забрать её без моего согласия. Поэтому я помню, что соглашалась, но не всегда помню с кем.

Сая перестала писать.

— Удобная клятва.

— Для них — да.

— И вы продолжали её подтверждать.

— Потому что каждый месяц видела список маршрутов, которыми ещё распоряжались мы.

— А они видели, какой проток вы боитесь потерять следующим, — сказала Лиора.

Майра подняла на неё глаза.

Это было не обвинение, а устройство ловушки. Отдавая безопасные пути, наставница показывала дворцу границы своего страха. Пустой склад сегодня, заброшенная школа завтра, расселённый квартал потом. Дворцу не нужно было сразу захватывать всё. Достаточно было заставлять гильдию самой называть очередную допустимую потерю.

— Я поняла это после Спящих ворот, — тихо сказала Майра.

— До или после того, как их запечатали?

— После возвращения семей. До печати.

— Значит, у вас было время остановиться.

— И отдать дворцу домашние дороги.

— Вы снова называете только два варианта.

— Потому что третьего у меня не было.

— Третьего не было у вас одной. Вы не спросили остальных.

Водосток за стеной захлебнулся дождём. На мгновение в комнате стало так тихо, что Лиора услышала, как под плащом шуршит карта, перебирая утраченные дороги.

Майра посмотрела на Саю, словно только сейчас увидела не ученицу-переплётчицу, а человека, которого исключили из решения.

— Совет гильдии проголосовал бы за сохранение лицензии, — сказала она.

— Возможно, — ответила Сая. — Но тогда это был бы наш плохой выбор, а не ваш хороший поступок.

Наставница вздрогнула сильнее, чем от обвинения.

Лиора знала эту боль. Самое тяжёлое в утрате власти решать за других — обнаружить, что благодарность не гарантирована. Майра спасала гильдию так долго, что право на прощение стало для неё частью платы.

— Я не могу сейчас вас простить, — сказала Лиора.

— Я не просила.

— Просили. Не словами. Всем рассказом. Вы хотите, чтобы количество сохранённых дорог сделало оставленных людей необходимой ценой.

Майра открыла рот и закрыла.

— Я могу принять сведения, — продолжила Лиора. — Могу работать вместе, если условия будут проверяемыми. Это не то же самое, что признать ваш выбор правильным.

— А если без меня вы не войдёте во дворец?

— Тогда войдём с вами. Прощение не является платой за помощь.

Сая положила перо. На лице у неё появилось почти незаметное облегчение. Лиора поняла почему: отказ немедленно простить Майру относился не только к наставнице. Сая слишком часто слышала, что любовь превращает чужое решение в заботу. Теперь это правило было произнесено вслух и для них обеих.

С улицы донёсся топот. Кто-то ударил в запертую дверь гильдии три раза, сделал паузу и ударил дважды — условный знак ночных лоцманов.

Майра потянулась к снятому колоколу, вспомнила, что он лежит на сукне, и пошла открывать сама.

На пороге стоял Ренар. Без форменного плаща, с мокрой повязкой на руке и тубусом под мышкой. Лиора сразу выпрямилась.

— Цель визита?

Он остановился за порогом.

— Передать копию распоряжения и сведения о Доме Печатника. Войти?

Лиора посмотрела на Майру. Дом был её ответственностью, но семидневный договор заключала Лиора.

— Только для передачи сведений, — сказала она.

Ренар вошёл и положил тубус на край стола, не приближаясь к карте.

— Стража вскрыла третий подвал. Резервной книги там не было. Нашли пустой переплёт и сонный воск на внутренней стороне двери.

— Они открыли проход? — спросила Майра.

— Хранитель пытался. После этого четверо стражей уснули. Просыпаются, но всякий раз повторяют один и тот же вопрос: разрешено ли им уйти.

Сая побледнела.

— Ещё одни Спящие ворота.

— Меньшего масштаба. Пока. Дом оцеплен, хранителя увезли в архив. Судья назначил исследование на утро.

— К утру воск настроится на новые отказы, — сказала Майра.

Ренар посмотрел на неё.

— Вы знаете механизм?

— Знаю старый выпуск.

— Тогда вы обязаны дать показания.

Лиора подняла руку прежде, чем Майра успела ответить.

— Это личный разговор или условие нашего маршрута?

Ренар выдержал паузу.

— Условие безопасности. Если госпожа Оллен знает способ остановить заражение, сведения нужно передать тем, кто отвечает за оцепление.

— Тем же людям, которые пытались открыть проход без лощмана?

— Можно передать через Брана Корда с ограничением действий до вашего осмотра.

— И он соблюдёт ограничение?

— Не знаю.

Первый честный ответ за весь день, в котором не пряталось обещание процедуры. Лиора заметила его и не позволила себе превратить замеченное в доверие.

— Тогда сообщите только, что воск питается вопросом об уходе и до рассвета к двери нельзя подпускать новых людей. Источник сведений не называйте. Мы придём через час.

— «Мы» — кто?

— Я решу состав рейса.

— Мой допуск приостановлен.

— Наш договор — нет. Если понадобится, пойдёте как сторона договора, а не представитель архива.

Ренар кивнул.

— Что ещё? — спросила Лиора.

Он вынул из тубуса копию распоряжения, затем отдельный узкий лист.

— Памятная запись с поста у дворца. Синяя печать активировалась там в тот же миг, когда хранитель коснулся воска в подвале. Реакция шла из комнат наследницы.

Майра быстро взяла лист. На схеме значились северная галерея, спальня Иды и запечатанный водосброс под её окнами.

— Они не перенесли выпуск, — сказала она. — Они развернули его. Подвал теперь принимает, а спальня выдаёт.

— Что выдаёт? — спросила Сая.

— Всё, что наследница не произносит вслух.

Карта под плащом раскрылась сама.

Лиора едва успела подхватить её. Серебряный лист развернулся поперёк стола, отодвинув договоры и кружки. Обычные линии города исчезли. Остались семь нитей, каждая началась у подписи Майры и уходила в одну тёмную точку. От неё тянулся тонкий проток к нарисованному окну. За окном спала девушка без лица, а над её горлом висели слова, похожие на рыболовные крючки.

Ренар отступил от стола, соблюдая запрет.

— Это новый маршрут?

— Старый, — сказала Майра. — Просто Лиора видит его с другой стороны.

Лиора коснулась края карты. Бумага была холодной. Под пальцами возник вопрос: что она готова отдать за вход? Карта всегда спрашивала дорогой, а не словами. На этот раз в глубине листа мелькнула дверь дома, где Сая ждала её с лампой.

Лиора убрала руку.

— Нет.

— Что она потребовала? — спросила Сая.

— Пока ничего. Предложила цену.

— Какую?

— Домашний маршрут.

Сая стиснула край стола.

— Мы найдём другой способ.

Не «не смей» и не «ты обещала». Лиора услышала выбор, оставленный ей, и именно поэтому смогла ответить спокойно:

— Найдём.

Майра провела пальцем над семью нитями, не касаясь листа.

— Эти договоры могут заменить плату. Они были заключены добровольно до подмены условий. Если вернуть каждой строке право на отказ, проток откроется без сожжённой дороги.

— Вернуть как? — спросила Ренар.

— Собрать подписавших и спросить заново.

— Двое умерли, — напомнила Сая. — Одна семья уехала.

— Значит, семи нитей не будет.

— Тогда вы предлагаете неполный мост, — сказала Лиора.

— Я предлагаю не повторять старый выпуск. Нам не нужен устойчивый вход. Достаточно увидеть сон Иды и понять, где хранится книга.

— Увидеть без её согласия.

Майра помолчала.

— Да.

— Нет.

— Лиора, через этот сон дворец удерживает людей.

— Это не делает наследницу дверью.

— Она может быть участницей.

— Тогда тем более нельзя входить, пока мы не знаем условий.

— А если она не способна согласиться? — спросил Ренар.

Лиора посмотрела на крючки над горлом нарисованной девушки.

— Найдём способ дать ей выбор внутри сна. Встанем у порога, назовём цель и цену. Если она откажет — уйдём.

— Проток может закрыться навсегда, — сказала Майра.

— Это и означает возможность отказа.

Сая повернула к себе список семнадцати семей.

— Я найду тех, кто ещё в городе. Объясню, для чего нужны их договоры. Не буду говорить, что гильдия просит вернуть долг.

— Я пойду с тобой, — сказала Майра.

— Нет.

Наставница застыла.

— Если люди увидят вашу подпись, они могут согласиться из страха потерять маршруты, — объяснила Сая. — Пойдёт Энна. Ей они смогут отказать.

— Энна не член гильдии.

— Именно.

Майра медленно кивнула. Ещё одна часть власти ушла из её рук без торжественной передачи.

Ренар развернул копию распоряжения.

— Я могу задержать исследование до полудня. В правилах есть срок на проверку последствий для свидетелей сна.

— Можете или попробуете? — спросила Лиора.

— Могу подать возражение. Оно автоматически запрещает вскрытие на четыре часа.

После этого начальник вправе снять запрет.

— Цена для вас?

— При моём приостановленном допуске это сочтут вмешательством. Возможно, начнут дисциплинарное дело.

— Решайте сами. Я не включаю это в условия договора.

Он посмотрел на неё так, словно ждал другого: просьбы, которая сделала бы риск общим, или приказа, на который можно было бы сослаться. Лиора не дала ни того ни другого.

— Подаю, — сказал он.

— Передайте копию Сае.

— Передам.

Он собрал бумаги и направился к двери.

— Ренар, — окликнула Лиора.

Он остановился, но не приблизился.

— Вы правильно сделали, что принесли запись.

Всего одна проверяемая вещь. Не прощение, не возвращённая близость, даже не обещание доверия.

— Понял, — ответил он.

Когда дверь закрылась, Майра усмехнулась без веселья.

— Ты всегда была требовательна к проводникам.

— Он не проводник.

— Я не о нём.

Лиора свернула карту до безопасной ширины. Семь нитей не исчезли; теперь они светились сквозь серебро, как вены под кожей.

— Расскажите о первом протоке, — сказала она.

— Мы потеряем время.

— Мы уже знаем, как попасть к Иде. Теперь мне нужно понять, почему вы согласились хранить этот путь одна. И что ещё дворец встроил в ваш компромисс.

Майра взяла пустой лист. Вместо рассказа она нарисовала три лодки на чёрной воде.

Двенадцать лет назад, объяснила она, Переприсяга впервые изменила русла не после чтения закона, а за сутки до него. Несколько кварталов проснулись с дверями, которые признавали только дворцовые имена. Королева Эйра вызвала трёх хранителей исходных строк и велела устроить выпуск через сон дочери: дворцовая охрана считала детские сновидения безопасными и не ставила на них государственных печатей.

Майра провела первый груз. В лодке лежали не книги, а узкие полосы бумаги — отказы граждан от новых условий. По старому закону один добровольный отказ не отменял присягу, но требовал публичного рассмотрения. Эйра собиралась вынести тысячи отказов на совет.

— Почему не вынесла? — спросила Сая.

— В ночь перед советом Ида заболела. Сон закрылся. Утром королева отменила заседание, а через два года умерла.

— Вы верите, что это была болезнь?

— Тогда верила.

— А теперь?

— Теперь знаю, что сон Иды закрыли той же формулой, что Спящие ворота: «оставайся, пока уход не будет разрешён». Только во дворце её называют охранной клятвой.

Лиора посмотрела на девушку без лица. Если формула действовала одиннадцать лет, Ида могла просыпаться, ходить, говорить и всё же ни разу не выбирать пробуждение полностью. Дворец не запирает её дверь. Он сделал сам уход невозможным для мысли.

— Королева знала? — спросила она.

— Не уверена. Последний раз я видела Эйру через неделю после болезни. Она передала мне знак выпуска и сказала хранить его, пока Ида сама не попросит открыть путь.

— Просила?

— Один раз. Три года назад на церемонии она уронила в чашу записку. Там было написано: «Покажите мне реку, которая заканчивается не во дворце».

— И что вы сделали?

Майра закрыла глаза.

— Ничего.

Сая выругалась вполголоса.

— К тому времени дворец уже получал протоки, — продолжила Майра. — Я решила, что записка могла быть проверкой. Если бы открыла выпуск, Кастор нашёл бы все домашние дороги.

— У вас был прямой запрос наследницы, — сказала Лиора.

— У меня была одна строка без подписи.

— И страх потерять всё.

— Да.

На этот раз наставница не добавила числа сохранённых семей. Не возвела берег. Просто назвала страх.

Это не исправляло сделанного, но впервые делало рассказ пригодным для работы.

— Записка сохранилась? — спросила Лиора.

Майра вынула из-за ворота тонкую цепочку. На ней висел плоский костяной футляр. Внутри лежал клочок бумаги, сложенный восемь раз. Чернила выцвели, но фраза читалась.

Сая не прикоснулась к записке.

— Это не согласие на вход сегодня.

— Нет, — согласилась Лиора. — Но это вопрос, на который мы можем ответить у порога.

Она положила рядом чистый лист и написала крупно: «Река есть. Войти и показать?» Ни обещаний свободы, ни требования довериться, ни имени гильдии.

— Если сон примет записку, дождёмся ответа, — сказала Лиора.

— А если ответ подделают? — спросила Майра.

— Наследница просила показать реку. Пусть опишет знак выпуска, который видела ребёнком. Вы его помните?

Майра нарисовала три лодки: первая без вёсел, вторая без пассажира, третья без отражения.

— Этого не было ни в одном дворцовом реестре.

— Значит, вопрос будет её.

Сая забрала списки и направилась к двери.

— Найду Энну и семьи. К рассвету вернёмся.

— Не обещай срок людям, — сказала Лиора. — Только спроси, готовы ли они выслушать.

— Знаю.

У порога Сая остановилась перед Майрой.

— Я запишу каждый отказ так же тщательно, как согласие.

— Правильно, — ответила наставница.

Когда они остались вдвоём, Майра поставила дежурный колокол обратно на стену, но не вернула язык. Гильдия пока не имела права созывать людей привычным голосом.

— Что ты потребуешь от меня? — спросила она.

— Полный список передач, насколько возможно. Публичное признание перед советом гильдии. И ни одного нового решения от имени всех, пока совет не изберёт временного распорядителя.

— Ты хочешь сместить меня сейчас, когда дворец проверяет лицензию.

— Я хочу, чтобы вы сами временно сложили полномочия.

— Это даст Кастору повод закрыть нас.

— Возможно.

— И ты готова рискнуть девятью сотнями дорог ради правильного порядка?

Лиора покачала головой.

— Не ради порядка. Ради того, чтобы следующий компромисс не заключал один человек.

До собрания вы останетесь старшим лоцманом на воде. Распоряжаться людьми и договорами будет временный совет из трёх человек. Один лоцман, один переплётчик, один представитель пассажиров.

— Ты всё продумала.

— Нет. Я учусь не называть первый найденный выход единственным.

Майра долго смотрела на неё, потом сняла с пояса тяжёлую медную печать главы гильдии. Не отдала Лиоре — та бы не взяла, — а положила рядом с колоколом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.